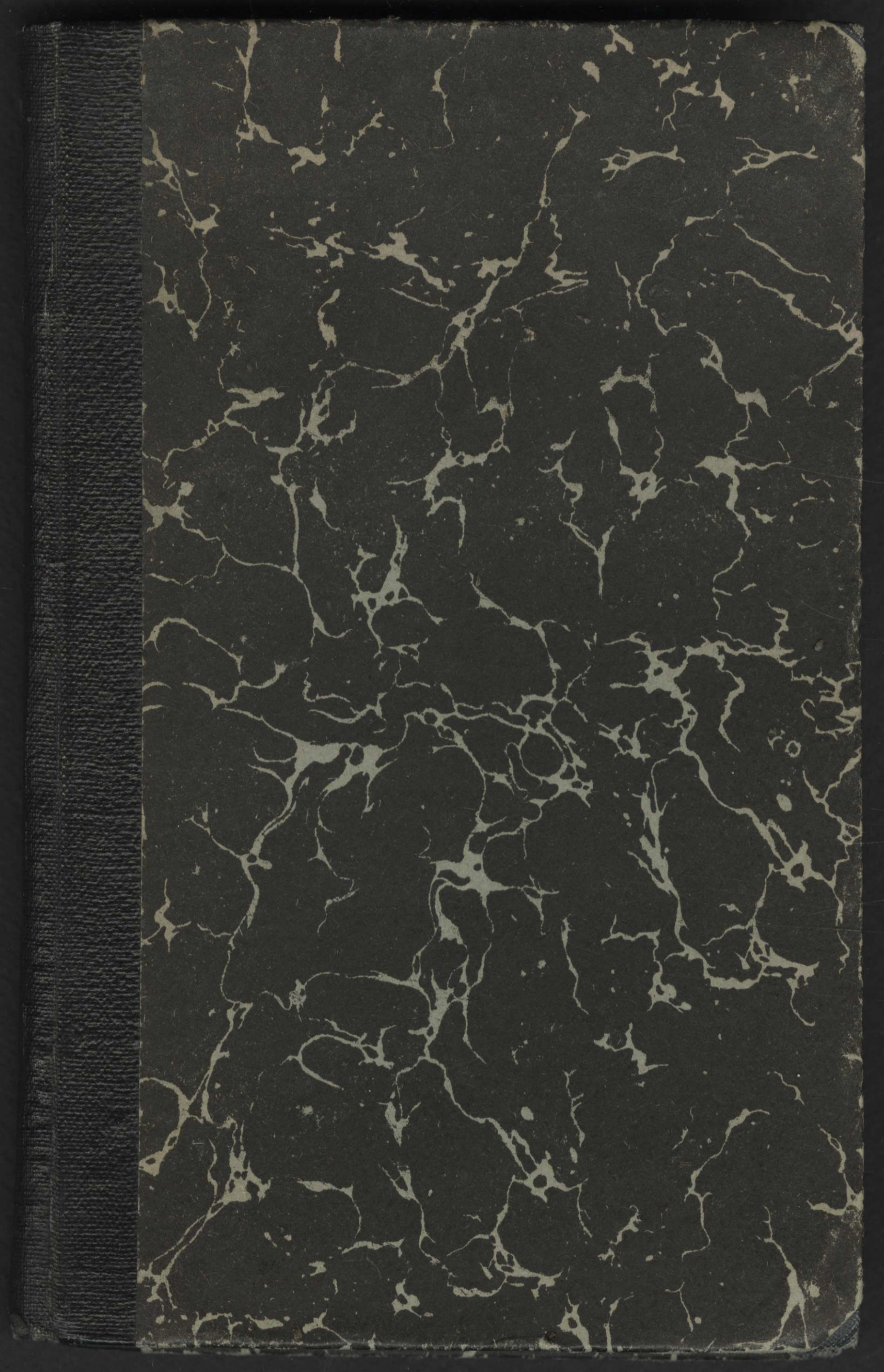
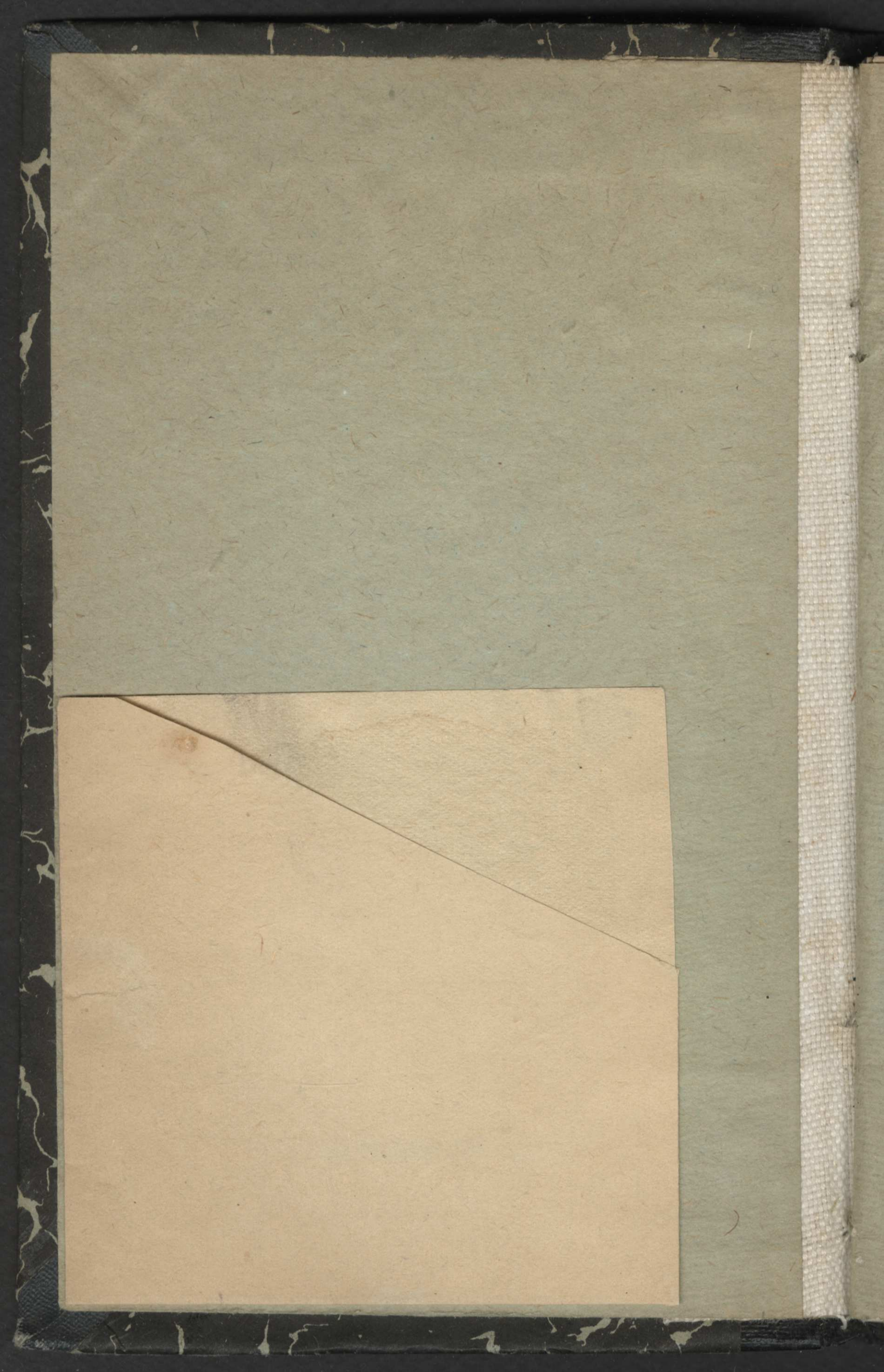

АЗІАТСКІЕ

18.232.1.9.

И

ЕВРОПЕИСКІЕ

АНЕКДОТЫ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1791 года.

1/8

2213

съ дозволенія

Управы Благочинія

РАЗМЫШЛЕНІЕ

УЕДИНЕННАГО ЧЕЛОВѢКА

Великій Боже! ты укрощаешъ волны воздымающіяся на моряхъ и въ сердцахъ разумныхъ существъ; ты изъ смятенія противоборствующихъ страстей низводишъ благоденствіе; каждый небесный шаръ способствуетъ къ освѣщенію другихъ небесныхъ шаровъ; вѣтры сопровождаютъ облака и колеблютъ моря; государства полезны для государствъ; человѣкъ для животныхъ, а животные для человѣка. Ты повелѣваешъ Зефиру распростерть изумрудные ковры на поля Османовы и учениковъ Алія. Ты облекъ ихъ растенія и ихъ древа зеленостію; ты предуготовляешъ на землѣ великолѣпное пиршество, къ коему призываешъ обожателей огня, идолопоклонниковъ и вѣрныхъ своихъ служителей. И такъ, кто изъ смертныхъ дер-

зненть воспротивиться благоденствію человѣковъ? Кто дерзнетъ видя, что каждое существо полезно одно для другаго, остаться безполезнымъ для своего отечества и для всей вселенной?

Сіи размышленія дѣлалъ я въ безмолвной мрачности глубокой нощи; а потомъ представилъ себѣ картину протекшей моей жизни. Съ ужасомъ узрѣлъ я, что безъ пользы препровелъ время; я проливалъ слезы; ожесточенное мое сердцѣ смягчилось, и потомъ нижеслѣдующія слова сообразныя моему положенію вырвались изъ моего сердца.

О смертный! помни сіе твердо, что каждую минуту часть жизненныхъ духовъ угасаетъ на вѣки, и то, что для тебя остается, есть почти ничто. Ты спишъ, ты коему уже минуло двадцать пять лѣтъ самаго драгоцѣннѣйшаго твоего времени; продолжаешъ теченіе свое, не исполняя возложеннаго на тебя природою дѣла. Развѣ ты думаешъ, что она непотребуетъ отъ тебя отчета въ дарованіяхъ ею тебѣ данныхъ? Или ты надѣешься, что еще успѣешъ послѣ исполнить ея уставъ? О заблужденіе жалости достойное! Кому изъ насъ судьбою предвозвѣщено, что тебѣ еще сто лѣтъ жить, а мнѣ сего дня умереть? Всѣмъ намъ предназначеніе ея равно; ни кому не извѣстно; и слѣдовательно льзя ли безошибочно

успѣхи дѣяній нашихъ препоручать будущимъ вѣкамъ? мы видимъ, что иногда одна минута все перемѣняетъ. Иной вдругъ возвышается; другой упадаетъ; иной въ тоже время раждается; а другой начавъ зданіе умираетъ. Итакъ всѣ одинъ за другимъ такимъ образомъ слѣдуютъ; все начинается, и ни что къ концу не приходитъ. Блаженъ тотъ, кто съ пользою на земли препровелъ дни свои! Награда ожидаетъ его въ будущей жизни. О! естьли бы ты столь былъ просвѣщенъ и столь благоразуменъ, дабы могъ въ пользу употребить немногіе дни тебѣ предоставленные! Запасай въ напутствіе все то, что тебѣ для сего нужно; ибо никто не можетъ тебя тѣмъ снабдить; отправь то прежде себя; покажи себя человѣкомъ, и ступай въ путь.

Солнце начинало уже появляться, а сонъ еще незакрывалъ моихъ глазъ. Другъ, котораго я искренно любилъ и почиталъ, и съ которымъ я вмѣстѣ раздѣлялъ всѣ удовольствія моей жизни, пришелъ за мною, но не могъ меня исторгнуть изъ моихъ размышленій. Онъ дѣлалъ мнѣ многіе вопросы, на которые я ему ничего не отвѣчалъ. А по сему огорчившись онъ сказалъ: всякое оскорбленіе, естьли не совсемъ прощено, то покрайней мѣрѣ нѣкоторымъ образомъ извинено быть можетъ; но озлобленіе нанесенное дружеству не можетъ заглаждено быть. Нако-

нецъ, будучи тронутъ я симъ причиненнымъ невинно ему оскорбленїемъ, прервалъ мои размышленїя, и обнявъ его вступилъ съ нимъ въ разговоръ; и потомъ вышли мы съ нимъ насладится зрѣлищемъ природы. Весна лишь только наступила; земля была украшена какъ прекрасная женщина въ торжественный день; соловей воспѣвалъ на вѣтвяхъ большихъ деревъ; росныя капли блистали подобно алмазамъ на розовой багряницѣ, или подобно слезамъ на ланитахъ юныя цѣломудренныя дѣвы, коей причинено нѣкое малое оскорбленїе. Мой другъ повелъ меня въ одинъ изъ своихъ садовъ, наполненный многими прекрасными лугами и древами, обремененными плодами и цвѣтами; въ сихъ рощахъ душа моя ставъ чувствительнѣе, погружалась въ прїятное восхищенїе; въ иныхъ мѣстахъ видимы были цвѣты выходящїе изъ подъ дерну, какъ бы драгоцѣнные камни разсыпанные позему ковру. По сему саду протекалъ ручеекъ; вода въ немъ прїятна была какъ нектаръ. Кустарники наполнены были птицами, коихъ голосъ былъ трогателенъ, какъ бы прїятная музыка, сопряженная съ пѣнїемъ нѣжныхъ стиховъ. Когда мы оставили сїи увеселительныя мѣста, то другъ мой видя, что лоно мое наполнено было разными цвѣтами, сказалъ мнѣ: ты знаешъ, что жизнъ сихъ цвѣтовъ кончится

въ одинъ день: для чего же запасать столь маловремянныя сокровища? соберемъ лучше полезныхъ растеній, кои составятъ здоровую пищу для стола, къ которому ты приглашаешь своихъ друзей.

Я предался съ сей минуты тѣмъ удовольствіямъ, кои упоявали мою юность въ окресности Константинополя, гдѣ я между миртовыми древесами прогуливаясь, наслаждался бесѣдою просвѣщенныхъ Дервишевъ; разговаривалъ съ ними о красотѣ природы, о должности людей, о взаимныхъ пособіяхъ, ихъ пристрастіяхъ и заблужденіяхъ и наконецъ изображаю ихъ въ сихъ моихъ повѣствованіяхъ.

БЛАГОТВОРЕНІЕ

По изтеченіи множества приключеній случившихся въ моихъ глазахъ, и какъ уже цвѣтъ моихъ власовъ сдѣлался подобенъ цвѣту лебедей, находящихся въ саду Царя Царей, повѣрилъ я, что всевышній виновникъ нашихъ судебъ, сдѣлавши человѣка и добродѣтель, не оставилъ безъ удовольствія сердца добродѣтельнаго человѣка ниже благихъ дѣлъ безъ награжденія. Внемлите, о сынове Адамли! внемлите сему истинному повѣствованію!

Въ одной изъ тѣхъ плодоносныхъ долинъ, которыя прерываютъ цѣпь Аравійскихъ горъ, съ давнихъ временъ обиталъ богатый пастухъ; онъ мнѣ былъ знакомъ; его называли щастливымъ, и онъ былъ доволенъ своимъ состоянїемъ. Въ одинъ день, какъ прохаживался онъ на берегу ручья въ Аллеѣ, изъ пальмовъ, коихъ листвїе досязало даже до корней тѣхъ зеленыхъ кедровъ, которыми верьхъ горы былъ увѣнчанъ, услышалъ онъ голосъ, который наполнялъ иногда долину своимъ пронзительнымъ воплемъ, а иногда томными стѣнанїями, кои едва можно было различить отъ шуму текущаго ручья.

Старый пастухъ прибѣжалъ въ тѣ самыя мѣста, откуду исходилъ голосъ. У подошвы каменнаго утеса увидѣлъ онъ молодаго человѣка на пескѣ почти со всемъ обнаженнаго; одежда у него была изорвана; волосы разбросаны въ безпорядкѣ по лицу, на коемъ юношескїя прелести были помрачены печалїю; на ланитахъ его видны были слѣды слезъ; глава его опускалась на его грудь. Онъ былъ подобенъ розѣ колеблемой и долу преклоняемой вихремъ. Богатый пастухъ былъ симъ тронутъ; подошедъ къ сему молодому человѣку сказалъ ему! о сынъ сѣтованїя! Прїиди въ мои обьятїя, и позволь мнѣ прижать

къ моей груди человѣка воздыхающаго, страданіе коего извлекаетъ мои вздохи.

Мо. дой человѣкъ поднялъ голову въ глубокомъ молчаніи; глаза его поражены будучи тѣмъ, что обрѣтаетъ благотвореніе и сожалѣніе; долгое время устремлены были на старика; единый взоръ добродушнаго пастуха долженствовалъ произвести въ немъ благую надѣжду; глаза его обмочены были слезами и исполнены пріятности и пламени; они имѣли тѣ пріятные и нѣжные взоры, которые заставляютъ говорить нещастныхъ.

Молодой человѣкъ вставъ весь покрытъ пылію, бросился въ объятія къ пастуху и испускалъ вопль повторяемый горами. О! отецъ мой, вопіялъ онъ, отецъ мой! когда нѣсколько онъ успокоенъ былъ словами и ласками старика; то сей многіе ему дѣлалъ вопросы, на которые молодой человѣкъ отвѣтствовалъ такъ:

Позади сихъ великихъ кедровъ, которые ты видишь, на превысокой горѣ находится жилище Шел-Адара отца Фатьмы. Сѣнь отца моего неподалеку отсюду находится. Фатьма изъ всѣхъ здѣшнихъ дѣвицъ есть прекраснѣйшая. Я просилъ у него позволенія пасти стада ея отца и онъ на то согласился. Отецъ Фатьмы богатъ; а мой бѣденъ. Я любилъ

Фатьму, и она меня. Отецъ ея то примѣтилъ; мы признались ему въ нашей любви; почему онъ и хочетъ меня принудить удалиться прочь, дабы не могъ я видѣть его дочери. Припавъ къ его стопамъ говорилъ я ему: о! родитель возлюбленной Фатьмы, позволь мнѣ покрайней мѣрѣ жить въ оной долинѣ, въ которой ты живешъ; я никогда уже больше не стану бѣседовать съ Фатьмою; я не буду стараться знать, любитъ ли она еще меня, или нѣтъ; я склянусь тебѣ въ томъ, что я не буду стараться даже о томъ и знать; позволь мнѣ вѣчно служить отцу Фатьмы. Но увы! Шелъ-Адаръ мнѣ отказалъ во всемъ; онъ со мною поступилъ такъ жестоко, что едва я могъ сдѣлать одинъ шагъ, дабы удалиться изъ его дому. Онъ грозилъ Фатьмѣ; а меня видишъ здѣсь удаленна отъ той долины, гдѣ она обитаетъ. Фатьма теперь нещастна; отецъ мой безсиленъ; матери я лишился, осталось у меня двое братьевъ; но они столь малы, что едва досязаютъ до пальмовыхъ вѣтвей нѣсколько возвышенныхъ. Отецъ мой и братья получали прокормленіе отъ меня; я получалъ все отъ Шел-Адара; но теперь умираю.

Сынъ мой! сказалъ старикъ, пойдемъ вмѣстѣ въ долину Шел-Адарову; я тебѣ помогу,

ступай. -- Молодой человѣкъ на то согласился, но едва могъ идти. Приближаясь увидѣли они Фатьму; она была блѣдна и уныла. Молодой человѣкъ сказалъ старику: я вижу Фатьму. Старикъ пришедши въ домъ къ Шел-Адару говорилъ ему такъ:

Прилѣтевшій изъ Алеппа въ Дамаскъ голубь жилъ съ голубкою сего города; хозяинъ ихъ опасаясь, чтобъ голубь не увелъ когда нибудь голубки съ собою, ихъ разлучилъ. Они перестали клевать изъ рукъ его подносимыя зерна и отъ горести впавъ въ уныніе умерли.

О Шел-Адаръ! не разлучай тѣхъ, кои для того только и дышутъ, что живутъ вмѣстѣ. Добродѣтеленъ ли сей молодой человѣкъ, коего удалилъ ты изъ своего дому? Шел-Адаръ на сіе отвѣтствовалъ: Пророкъ да будетъ свидѣтелемъ моихъ словъ: сей молодой человѣкъ между правовѣрными есть какъ лилея между нарцисами. Онъ всѣхъ превосходитъ неусыпнымъ прилѣжаніемъ; но онъ убогъ. Какая въ томъ нужда? сказалъ старой пастухъ. У меня и у моихъ дѣтей многочисленныя находятся стада; я обладаю всею богатою Горофаевою долиною; почему и могу обогатить сего молодаго человѣка. Завтра же у твоихъ воротъ явится

часть моихъ стадъ, естьли только согласишься выдать за него свою дочь. Шел-Адаръ былъ на то согласенъ; а старикъ удалился отъ него прочь. На завтра отправилъ онъ къ Шел-Адару нѣсколько стадъ овецъ бѣлѣйшихъ снѣга, и нѣсколько стадъ жеребицъ, кои гораздо прекраснѣе и быстрѣе были тѣхъ, на которыхъ ѣзжалъ Пророкъ. По прошествіи нѣсколько времени послѣ сего, сей добродушный пастухъ отправился въ путь и самъ къ тѣмъ великимъ кедрамъ, подъ которыми находилось жилище Шел-Адара. Добродушный пастухъ выходя изъ лѣсу на лугъ орошаемый ручьемъ, брега котораго усаждены были смоковницами, увидѣлъ на холмикѣ подъ тѣнію смоковничныхъ деревъ Шел-Адара державшаго за руку старика, на челѣ коего изображалось мудрость и удовольствіе. Сей старикъ часто посматривалъ на Шел-Адара глазами исполненными радости; такое же чувствованіе изображалось на глазахъ у Шел-Адара. Добродушный пастухъ увидя ихъ остановился, дабы насладится симъ прелѣстнымъ и величественнымъ зрѣлищемъ, каковое утѣшало и приводило его въ восхищеніе въ старости. Оба старика одинъ другому показывали многихъ молодыхъ людей, между коими находились два отрока, кои то забавлялись на травѣ, то подходили иногда къ нимъ для

изъявленія своихъ ласкъ. Пастухъ, узналъ что это были братья новобрачнаго супруга Фатьмы, и что старикъ державшій Шел-Адара за руку былъ ихъ отецъ.

Гораздо подошелъ поближе къ добродушному пастуху, въ концѣ лѣса сидѣли на дернѣ Фатьма и ея супругъ; часто бывъ не подвижны, смотрѣли они другъ на друга не сводя своихъ глазъ; они улыбались столь нѣжно, что казалось будто бы удовольствіе содѣлало на ихъ лицахъ себѣ жилище. Сіи юные супруги часто прерывали свое пріятное молчаніе живыми и скромными ласками. Примѣтно было, что они удерживаемы были присудствіемъ своихъ родителей, а особливо почтеніемъ къ старикамъ. То всѣ они взирали на себя, и казалось что каждой изъ нихъ упоенъ былъ благополучіемъ любезнаго своего предмѣта и собственнымъ своимъ. Оживотворявшая ихъ радость являлася на ихъ лицахъ поминутно.

Добродушный пастухъ смотрѣлъ на нихъ поперемѣнно; а потомъ обратя взоръ свой на лугъ, узрѣлъ онъ стада представленныя отъ него имъ въ даръ. Красотою своею посрамляли онѣ стада Шел-Адара, между коими онѣ были перемѣшаны. Смотря на сіе стадо. Услышалъ онъ,

что каждой пастухъ прославлялъ собственное свое и своихъ хозяевъ благополучіе; а младые супруги возсылали благодареніе Богу съ таковыми чувствіями: Боже праведный! продли дніе лѣтъ сего благопріятеля нашего въ непрерывномъ благоденствіи до жизни гроба его; награди его стократно за доброе его сердце, награди и тѣхъ, кои въ него такія склонности вліяли.

Споръ

Трехъ путешествователей

О преимуществѣ

А имянно ума, щастія и судьбы.

Случилось нѣкогда симъ тремъ путешествователямъ странствующимъ по всѣмъ предѣламъ свѣта нечаянно гдѣ то вмѣстѣ въ компаніи сойтися, и подвеселившись вступить въ споръ о преимуществѣ своемъ. Умъ, такъ какъ обыкновенно на доказательства бываетъ скоръ, началъ первый рѣчь свою такимъ образомъ:

Я свѣтъ создалъ, и всемъ, что есть въ немъ управляю,
Я всѣмъ открылъ глаза и всѣмъ вождемъ бываю;
Свидѣтельствуетъ въ томъ Европы всѣ страны
Что мной полезны въ свѣтъ науки введены

И мной изъ звѣря сталъ на свѣтѣ человѣкъ.
Потомъ на щастье взоръ возведши важный рекъ:
Тыжъ хромонога тварь, чѣмъ можешъ похвалиться?
Мнѣ безъ тебя всегда удобно обойтиться.
Ты безъ меня ничто! твое жилище лѣсъ!
Огромныхъ въ свѣтѣ я творецъ седьми чудесъ..
Безъ крылъ хоть человѣкъ но мной достигнулъ неба,
Узналъ пути планетъ и свойство блеску феба..
Сидѣвши щастїе, бровь вздернувши до толь
Съ губъ искривленїемъ рекло такъ: -- умъ позволь,
Да что я говорю? иль мнѣ просити должно?
Такъ нѣтъ! -- послушайка ты! кто же ты?
Ты безъ меня одни на свѣтѣ суеты!
Я въ армїяхъ, въ судѣ и во играхъ картежныхъ
Да что ты самъ не зналъ. -- и во дѣлахъ набожныхъ.
И что еще чуднѣй? я умными творю,
Недавъ доклада въ томъ тебѣ ниже царю
И естьли я кого сберечь не захочу;
То все тогда твое, и славу помрачу
Кого же захочу того вдругъ возвышаю
И всякимъ тутъ его избыткомъ награждаю.

а имянно.

Звѣрей ли кто ловецъ,
Иль по морю пловецъ,

Или какой купецъ
Обманомъ гдѣ торгуетъ;
Иль ябеда дѣлецъ,
Въ приказѣ что воруетъ.
Кто въ карты ли когда пускается играть,
Иль ближняго добро, кой тщится прибирать,
Въ сраженье ли когда вступаетъ Ратоборецъ
Или что выдать въ свѣтъ предприметъ стихо-
творецъ..
До нихъ лишъ я коснусь хотя издалека
То и поддержитъ ихъ во всемъ моя рука...
Умъ щастію на то: не спорю я ни мало,
И ежели уже у насъ на ето стало;
То я тебѣ яснѣй въ семъ спорѣ докажу;
Не хвставъ много, но лишь то тебѣ скажу:
Въ комъ искра ума есть, тотъ онымъ ужъ
возвышенъ
И славой дѣлъ своихъ въ мѣстахъ далекихъ
слышенъ.
А тѣ, вотъ коихъ ты богатствомъ вводишъ въ
честь
То, по пословицѣ, изъ нихъ иные есть
Не знаютъ какъ лицомъ и къ ставцу сѣсть...
Сѣчь ета Щастіе задѣла за живое!
И думали они, что ихъ лишъ только двое,
Анъ тутъ же третья быть случилаcа судьба.
Досадна ей была ихъ ета похвальба.
Однакожъ ихъ рѣчей пока не прерывала
И на обѣихъ ихъ свой гнѣвный взоръ бросала

Съ сердцовъ ужъ щастіе уму вѣщало такъ:
Предѣлы лютости я всѣ превозмогаю;
Ко мнѣ стремятъ всѣ зракъ,
Чиновникъ и богачь, ученый и дуракъ
Всѣмъ я имъ помогаю...
На раменахъ своихъ жизнь многихъ я держу,
И пахарей въ чины не рѣдко возвожу...
Тутъ умъ лишь заикнулся
Промолвить вопреки и тотчасъ поперхнулся,
Прокашлявъ, только могъ сказать, что смертнымъ онъ
Даютъ всѣмъ свой законъ...
Но щастіе ему на то въ опроверженье
Сказало на конецъ такое возраженье
Ей! осмотрись! кои тобой хлѣбъ достаютъ
Не рѣдко на стихахъ тѣ Лазаря поютъ...
Къ судьбинѣ щастіе потомъ оборотяся
Съ почтеньемъ поклоняся
Сказала такъ судьба! прошу покорно я
Ты будь намъ въ томъ Судья.
Посредница сія
Вступила въ рѣчь, я васъ обѣихъ извиняю,
Но знайте! смертныхъ я гублю и сохраняю...
А вы, богатыри при силѣ всей своей
Зависите всегда отъ власти лишь моей!
Во свѣтѣ всемъ, что есть по всюду управляю
И васъ къ кому хочу я предопредѣляю...

Склоня по семъ ту рѣчь, судьбина ко уму
Любезное мое дитя! рекла ему
Полезенъ подлинно ты смертнымъ всѣмъ не спорно,
Но только щастiю всё болѣе покорно,
Свидѣтельница я была тому сама,
Что рѣдко щастiе зависитъ отъ ума,
А больше за всегда отъ щастья умъ зависитъ
Тѣмъ самымъ, что его гдѣ щастiе возвысит
То виденъ тутъ и онъ... Яснѣй сказать всего
Безъ щастья умъ почти незначитъ ничего...
На оное съ умомъ тутъ щастье согласилось
И побрѣли всѣ въ рознь опять куда случилось.

ЩАСТIЕ

Одинъ офицеръ служилъ нѣсколько лѣтъ безпорочно въ службѣ въ одномъ чинѣ и который при ежегодномъ производствѣ повышенiемъ всегда обойденъ бывалъ въ спискѣ. Онъ видя свою нещастливую такую судьбу принужденъ былъ роптать больше на Государя, который не видитъ службы своихъ подчиненныхъ; Государь узнавъ о его негодованiи велѣлъ призвать его къ себѣ, и призвавши сказалъ ему такъ: другъ мой! слышу я, что ты на меня вездѣ жалуешся и ставишь меня причнною твоей нещастной службы, я хочу великодушно вывести тебя изъ сего заблужденiя. Вотъ два кошелька равные!

выбирай изъ нихъ любой, я дарую тебя однимъ, но на передъ знай, что изъ нихъ одинъ наполненъ золотомъ, а другой свинцомъ. Мы тогда лучше оба увидимъ съ тобою, кто изъ насъ больше въ томъ виноватъ, Я, или щастїе твое; офицеръ сколько мысленно не выбиралъ, но на конецъ къ нещастїю его взялъ кошелекъ вмѣсто золотаго свинцомъ наполненный. Ехъ господинъ Офицеръ! сказалъ государь, кто виноватъ етому что ты самъ не обогащаешся, и вмѣсто золота выбралъ свинецъ. Возми уже и сей золотой, ступай будь щастливъ.

Карлъ V нѣкогда сказалъ, что щастїе такъ, какъ женщины, которыя молодыхъ людей предпочитаютъ старикамъ.

Пастушокъ.

взятый ко двору

Одинъ Персидскїй Государь часто думывалъ, что льстецы иногда обманываютъ его. Онъ рѣшился для сего удалиться на нѣсколько времени отъ двора своего, и объѣздить области свои не будучи извѣстнымъ, дабы увидѣть свой народъ въ естественной простотѣ. Въ семъ намѣренїи взялъ онъ съ собою одного только изъ придворныхъ, который къ нему вѣрнѣе всѣхъ былъ и котораго онъ почиталъ. Отправились они въ путь и ѣздили по разнымъ деревнямъ. Государь видя во многихъ

мѣстахъ добросердѣчныхъ сельскихъ жителей пляшущихъ, веселящихся и предающихся съ безпритворною радостїю разнымъ невиннымъ забавамъ восхищался нашедъ такъ далеко отъ двора веселїя столь естественныя и столь спокойныя. Однажды почувствовалъ онъ голодъ отъ долговременной прогулки и зашелъ въ одну бѣдную деревенскую хижину, гдѣ поставлена ему была грубая пища, которую онъ нашелъ гораздо прїятнѣе и здоровѣе, нежели всѣ тѣ нѣжныя кушанья, коими его столъ обременяемъ бываетъ.

Однажды проѣзжая онъ чрезъ лугъ, испещренный цвѣтами и орошаемый ручейкомъ увидѣлъ подъ тѣнїю вязоваго дерева молодаго пастуха играющаго на свирѣли подлѣ своего пасущагося стада. Онъ спросилъ у него какъ его зовутъ и изъ какой деревни, пастухъ отвѣчалъ: что зовутъ его Алибеемъ и живетъ въ близъ лежащей отсюда деревни. Лицомъ онъ былъ прекрасенъ, но однако неженовиденъ. Онъ исполненъ былъ живостїю, но ненахальною. Онъ никогда етого не думывалъ, чтобы превосходилъ онъ своею красотою прочихъ пастуховъ своей деревни. Мысли его безъ воспитанїя сами собою были распространены и очищены.

Государь съ нимъ разговаривалъ долго, и былъ разговоромъ его весьма доволенъ. Онъ отъ простосердечїя его узналъ много такого, что было полезно благосостоянїю его народа, и чего ему

придворные его никогда неговаривали. Онъ смотря на чистосердечїе сего молодаго человѣка, который открывалъ свои мысли вольно нещадя никого, часто улыбался, и оборотясь къ своему любимцу сказалъ: я вижу, что природа стольже прекрасна и столь прелестна и въ самомъ послѣднемъ состоянїи, сколько и въ людяхъ на возвышенныхъ степеняхъ находящихся. Ни одинъ Князь никогда не показался мнѣ столько любезнымъ, какъ сей младый и невинный пастушокъ живущїй спокойно со своимъ стадомъ. Какой отецъ не почелъ бы себя щастливымъ имѣть у себя сына толь прекраснаго и съ такою чувствительною душею, какою одаренъ сей пастушокъ? Я увѣренъ, что ученое воспитанїе исправитъ чуднымъ образомъ его разумъ, и откроетъ въ немъ множество дарованїй, которыя мнѣ полезны будутъ. Почему Государь взялъ съ собою Алибея съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобы обучать его разнымъ наукамъ и художествамъ, которыя бы могли больше украсить его разумъ.

Алибей въ началѣ самаго прибытїя ко двору былъ ослѣпленъ сїянїемъ его и блестящими предмѣтами толико для него новыми. Сїя перемѣна щастїя толь чрезвычайная и нечаянная произвела нѣкоторое дѣйствїе въ его душѣ и нравахъ; вмѣсто посоха, свирѣли и пастушья платья, увидѣлъ онъ себя въ богатомъ платьѣ и наголовѣ чалму украшенную алмазами. Вскорѣ мысли

его распространились и разумъ его наполнился знанїями. Онъ здѣлался въ короткое время спо-собнымъ къ самымъ важнымъ дѣламъ.

Онъ заслужилъ всю довѣренность у своего Государя, который его любилъ такъ, какъ своего питомца. Онъ нашедъ въ немъ тонкїй вкусъ ко всему тому, что заслуживало любопытства поручилъ ему самую знатнѣйшую должность въ своемъ государствѣ; а имянно: сдѣлалъ его хранителемъ драгоцѣнныхъ своихъ вещей.

Пока мѣстъ сей Государь жилъ, Алибей пользовался всякими милостями ежедневно умножающимися. Между тѣмъ, чемъ онъ старѣе становился, тѣмъ чаще приходило ему на мысль уединенїе и спокойствїе его прежняго состоянїя, о потерѣ коего онъ иногда сожалѣлъ. О дни блаженные! дни невинные! часто онъ восклицалъ, дни въ которые я вкушалъ чистѣйшую радость безъ всякаго безпокойствїя и смятенїй! дни сладчайшїе жизни моея! Тотъ кто лишилъ меня васъ, чтобъ дать все богатство, коимъ я владѣю, лишилъ меня всего моего имѣнїя. Я сего имѣнїя въ его чертогахъ необрѣтаю. Блаженъ! стократно тотъ блаженъ, который никогда незнаетъ бѣдствїй царскихъ дворовъ! Хотя всѣ мои здѣсь желанїя предупреждены и удовольствованы, хотя всѣ мои чувства прїятно услаждены, и мое самое самолюбїе питается почтенїемъ всего народа и милостїю Государя; однако все

сїе благополучїе неимѣетъ въ себѣ нималой прїятности тѣхъ чувствованїй, которыя я ощущалъ въ то время, какъ утромъ прекраснаго дня при восхожденїи зари выходилъ на лугъ съ моею нельстивою и вѣрною собачкою и стадомъ. Кто-бы я такой былъ походя на сихъ придворныхъ, которыхъ я теперь вижу блѣдныхъ и снѣдаемыхъ честолюбїемъ, коего ничто удовольствоватъ не можетъ?

Алибей будучи столь мало чувствителенъ къ веселїямъ придворнымъ вскорѣ былъ принужденъ сносить упадокъ щастїя своего. Старый Государь любившїй его, снизшелъ во гробъ и уступилъ Престолъ сыну своему. Завистники тот-часъ приняли намѣренїе очернить его въ мысляхъ новаго Государя, коему они внушили, что Алибей во зло употреблялъ довѣренность, которую къ нему его родитель имѣлъ, что онъ нажилъ неисчетное богатство и присвоилъ себѣ множество изъ тѣхъ драгоцѣнныхъ вещей, кои для храненїя ему поручены были. Государь по-молодости своей былъ весьма легковѣренъ, а сверхъ того имѣлъ тщеславїе думать, что онъ можетъ поправить то, что отцемъ его сдѣлан.

Чтобы сыскать причину лишить мѣста Алибея по совѣту придворныхъ приказалъ онъ ему подать себѣ мечь украшенный алмазами, который его родитель во время сраженїя имѣлъ

обыкновенiе носить при себѣ. Алибей его принесъ и вручилъ Государю, однако алмазы изъ онаго были вынуты. Государь почелъ его виновникомъ покражи оныхъ, но Алибей доказывалъ, что они еще прежде вступленiя его въ сiю должность вынуты по приказанiю его родителя незнаю для чего, и что онъ его и по описи такъ принялъ. Придворные смущенные сею неудачею лишь пуще устремилися гнать сего честнаго человѣка, котораго они погубить хотѣли. Они присовѣтовали Государю, чтобъ онъ чрезъ двѣ недѣли велѣлъ подать себѣ роспись всѣмъ вещамъ, къ которымъ онъ былъ приставленъ хранителемъ.

По прошествiи срока Государь самъ восхотѣлъ присудствовать при осмотрѣ оныхъ. Алибей отворилъ кладовую и представилъ всѣ ему препорученныя вещи. Государь видя, что все было препорядочно разставлено и съ великимъ раченiемъ сохранено и удивляяся толикой точности и вѣрности, кидалъ гнѣвные взоры на доносщиковъ, которые въ концѣ кладовой еще показывали ему желѣзные двери тремя большими замками запертыя, чтобъ тамъ осмотрѣть: ибо за симиде дверьми у Алибеяхранятся сокровища украденныя у твоего родителя; Государь паки разгнѣвался и повелѣлъ немедлѣнно двери растворить. Алибей повергается къ его ногамъ и проситъ его не отнимать у него послѣдняго

именія, которое онъ на свѣтѣ всего больше почитаетъ.,, Несправедливо будетъ государь лишить меня въ единый часъ всего, что я имѣю „послѣ долговремянныхъ услугъ оказанныхъ мною „твоему родителю. Отними у меня все, что онъ „мнѣ даровалъ, но оставь то, что здѣсь хранится.,, Придворные торжествовали въ мысляхъ, и сіе отрицаніе умножило только лишь подозрѣніе Государя, которой яростно угрожая ему принудилъ отперетъ двери. Алибей взялъ ключи и отворилъ сію таинственную дверь.

Но сколь велико было удивленіе его непріятелей, когда они вмѣсто мнимыхъ сокровищъ увидѣли тамъ только посохъ, свирѣль и платье пастушье, которое Алибей прежде нашивалъ и часто къ симъ вещамъ прихаживалъ смотрѣть удовлетворяя своей любви къ прежнему своему состоянію! Великій Государь сказалъ онъ! виждь драгоценные остатки моего прежняго щастія! Сіе имѣніе обогатитъ меня послѣ всего, что можешь отнять. Вотъ нѣтлѣнное богатство, которое никогда не можетъ изчезнуть! его всегда довольно для составленія блаженства человѣка, любящаго невинность, довольствующагося нужнымъ и небеспокоющагося безразсудно о стяжаніи тщетныхъ богатствъ, которыя нимало не могутъ умножить истиннаго благополучія. О вы! орудія простыя и драгоцѣнныя блаженныя жизни, я кромѣ васъ ничего нежелаю! я съ вами

едиными намѣрен и жить и умереть. Государь! я безъ прискорбія возвращаю тебѣ все, что твой отецъ мнѣ далъ, а оставляю у себя только то, что мнѣ принадлежало прежде, нежели я ко двору имъ привезенъ. Государь едва могъ выпти изъ удивленія. Онъ увѣрился въ невинности Алибеевой, и гнѣвъ его обратился на придворныхъ, которые его обманули. Изыдете лицемѣры, сказалъ онъ имъ, бѣжите отъ лица моего!.. Послѣ сего сдѣлалъ онъ Алибея Министромъ, и ввѣрилъ ему самыя тайныя и важныя дѣла. Алибей умеръ первымъ Министромъ въ бѣдности и глубокой старости. Онъ никогда не хотѣлъ того, чтобъ его непріятели были наказаны, и онъ сродникамъ своимъ оставилъ столько имѣнія, чтобъ имѣть пропитаніе въ настушьемъ состояніи, которое онъ всегда щастливѣйшимъ и надѣжнѣйшимъ всѣхъ почиталъ.

Зависть

Визирь Жіафаръ былъ нѣкогда невинно оклеветанъ предъ Султаномъ своимъ Калифомъ Аарономъ Рашильдомъ, который сколько ни любилъ его и сколько ни почиталъ великія его достоинства и благородную душу его, но слыша отъ всѣхъ придворныхъ своихъ и Пашей на него негодованіе принужденъ былъ подозрѣвать, что онъ конечно не заслуживаетъ той довѣрен-

ности, которой онъ его удостоивалъ, но однакожъ зная и то, что онъ одинъ только у него такой, который могъ управлять всѣмъ его Государствомъ, не хотѣлъ его осудить по одному негодованію города и двора, почему и отправился осматривать самъ свою Имперію. Онъ обозрѣвая оную по всюду видѣлъ хорошо обработанную землю, богатую жатву, и обильныя паствы, полезныя художества въ почтеніи, и юношество въ веселіи. При обозрѣніи военныхъ крѣпостей и морскихъ портовъ, видѣлъ онъ множество кораблей ужасавшихъ берега Африканскія и Асійскія, видѣлъ также, что воины хорошо были научены и довольны. Сіи самые воины, матросы, и деревенскіе жители восклицали такъ: О Боже! благослови правовѣрныхъ продолженіемъ дней Аарона Рашильда и его Визиря Жіафара. Они то Государству доставляютъ міръ правосудіе и изобиліе. Великій Боже! ты очевидно являешъ любовь твою къ правовѣрнымъ дая имъ такого Государя, каковъ есть Ааронъ, и такого Визиря, каковъ есть Жіафаръ. Калифъ тронутъ будучи сими восклицаніями входитъ въ мечеть и повергшись на колѣна восклицаетъ: Великій Боже! благодарю тебя, что ты даровалъ мнѣ такого Визиря, о коемъ *придворные говорятъ худо, а народъ говоритъ хорошо.*

О ТОМЪ ЖЕ

Одинъ сынъ Генерала былъ воспитанъ придворѣ вмѣстѣ съ молодымъ Принцомъ, который заметя его, что онъ разсудителенъ, разуменъ остръ и проворенъ, чрезвычайно его полюбилъ и на конецъ наименовалъ его на всегда своимъ другомъ. Протчїе молодые придворные видя его такъ щастлива, вдругъ его возненавидѣли и начали стараться всѣми образами вездѣ ставить ему сѣти, дабы его какъ можно привести въ ненависть у Государя, и отдалить его вѣчно отъ него; но однако всѣ злобныя ихъ предпрїятїя были недѣйствительны; ибо онъ уже сдѣлался совершеннымъ другомъ Государю. Между протчимъ сей Государь примѣтя не однажды ихъ къ нему ненависть, вопросилъ у него, скажи пожалуй, какая бы была притчина такой ненависти моихъ придворныхъ, которую они на тебя имѣютъ? Я примѣтилъ, что они чрезвычайно тебя ненавидятъ. Нельзя ли какъ нибудь тебѣ найти у нихъ лучшее расположенїе? Ваше Величество! отвѣчалъ любимецъ, я стараюсь всегда обращать въ пользу ваше могущество какъ для благоденствїя вашего народа, такъ и для вашей славы, чрезъ то дабы прїобрѣсти себѣ любовь какъ отъ него, такъ и отъ васъ. Я отдалялъ въ случаѣ несправедливости даже отъ себя моихъ друзей, моихъ равныхъ и теперь незнаю, какое уже больше средство употребить, чтобы снискать

ихъ къ себѣ любовь, какъ развѣ только послѣднее, поступать безчестно, васъ обманывать, и имъ впредъ потакать. Продолжай другъ мой сей похвальный твой поступокъ, и небойся ничего, сказалъ, Государь. Солнце не должно переставать освѣщать вселенную для того только, что его свѣтъ повреждаетъ глаза ночныхъ птицъ.

О свойствахъ человѣческихъ

Въ различныхъ состоянїяхъ.

Юный Хирой сынъ и наслѣдникъ Хладнокровнаго Ормуза Персидскаго Государя выпросилъ нѣкогда у своего отца позволенїе путешествовать. Онъ отправлялся въ путь не для того, чтобы набрать святой воды на горахъ Аратскихъ, ни такъ же для того, чтобы отъ Мединскихъ Имановъ получить наставленїе, но желалъ осмотрѣть провинцїи Государства, которыми онъ нѣкогда долженъ былъ управлять. Онъ путешествовалъ безъ пышности и подъ другимъ имянемъ, съ нимъ было только два человѣка и мудрый Нирсуканъ. Онъ хотѣлъ познать свойства человѣческїе во всѣхъ состоянїяхъ. Вдругъ узрѣлъ онъ воиновъ, нашелъ въ нихъ такую ревность къ службѣ хладнокровнаго Ормуза, что готовы были при первомъ мановенїи своего государя раззорить Персїю и въ куски изрубить

братьевъ съ тѣмъ однакожъ, чтобъ непремѣнно большiя имъ опредѣлены были платы и даны новыя преимущества.

Хирой осматривалъ Молакковъ, Имановъ, Дервишей; онъ нашелъ, что они увѣрены были о себѣ, что одни только они должны были управлять Государствомъ и овнушенiи чего старалися другимъ. Между тѣмъ же сами льстили двору, совѣтовали оному дѣлать притѣсненiе и сами всѣ доходы государства къ себѣ прижимали, а ему и самомалѣйшей частицы своего богатства никогда не хотѣли удѣлить.

Хирой осматривалъ судей, Кадiевъ, законниковъ, кои между правовѣрными всѣвали раздѣленiе для умноженiя судовъ, правосудiе продавали богатому, и никогда недоставляли онаго убогому, свое могущество давали чувствовать какъ своимъ друзьямъ такъ и врагамъ.

Въ чиновникахъ управляющихъ податьми зрѣлъ онъ кровожаждущихъ тигровъ, кои для удовольствiя своего сосали народную кровь, купцы старались только о исходатайствованiи себѣ преимущества, по поводу которыхъ всѣ Государственные тягости падали на земледѣлцовъ; а мастеровые старались о такихъ преимуществахъ, которые могли истребить раченiе.

И такъ, сказалъ Принцъ мудрому Нирсукану, не ужели люди во всѣхъ состоянiяхъ не имѣютъ свойства приличнаго себѣ? Я у всѣхъ

ихъ примѣтилъ только ревность къ собственному ихъ благу, а не ко благу Государства. Я видѣлъ воиновъ, купцовъ, судей, мастеровыхъ, а Персіанина ни одного.

И во время твоего царствованія таковыеже будутъ люди, сказалъ Нирсуканъ: будь попечителенъ добрый домостроитель, имѣй бодрость, буди строгъ и справедливъ; помни, что ты принадлежишь твоимъ подданнымъ, а не они тебѣ; къ должностямъ опредѣляй тѣхъ, кои любятъ твой народъ, наказывай вельможъ, кои станутъ приводить въ ненависть твою власть, награждай тѣхъ, кои будутъ внушать любовь къ ней. О Хирой сынъ Ормузовъ! люби Персію, то и самые тѣ, кои о своихъ токмо пекутся выгодахъ, будутъ любить отечество.

Примѣръ

Нѣкто изъ Харазанскихъ Государей видѣлъ, во снѣ Магмуда царствовавшаго прежде его за сто лѣтъ. Онъ видѣлъ тѣло сего Государя обратившее со всѣмъ въ прахъ и ничего больше не оставалось кромѣ однихъ глазъ, которые безпрестанно устремляли свои взоры на чертоги и престолъ. Государь вопросилъ своихъ гадателей, чтобы сіе сновидѣніе значило, одинъ изъ нихъ ему сказалъ; Ваше Величество! Магмудъ видитъ теперь, что вы водворяетесь въ тѣхъ же самыхъ

чертогахъ и на Тронѣ, въ которыхъ и онъ прежде водворялся, и что ему больше ничего изъ его Величества не осталось, и что мы ничего съ собою на тотъ свѣтъ неберемъ кромѣ добра нами учиненнаго. И такъ, Государь, дѣлай добро прежде нежели въ твоихъ чертогахъ облеченныхъ въ печальное одѣянїе услышится оный плачевный гласъ, *уже его больше нѣтъ.*

УРОКЪ

Отъ Учителя молодому Принцу

Когда видили вы то многочисленное стадо, которое при восхожденїи всеосвящающаго Солнца гуляя по Холмику паслося спокойно и ѣло лучшую травку; то видили, что пастушокъ усердный и попечительный стоялъ недремля подлѣ своихъ овечекъ. Невыпущалъ ихъ изъ виду, за ними слѣдовалъ, велъ ихъ и перегонялъ на лучшую долину; когда расходились онѣ, то онъ собиралъ ихъ; когдажъ хищный волкъ показался къ нимъ, то онъ недопущая до нихъ онаго, спущалъ свою собачку, кричалъ на него неустрашимо и тѣмъ обратилъ его въ бѣгство: словомъ, онъ ихъ питалъ и охранялъ. Заря застало его уже среди поля, съ котораго онъ съ своимъ стадомъ невозвращался въ домы какъ развѣ вмѣстѣ съ захожденїемъ Солнца. Вотъ какїя попеченїя! какое бодрствованїе! и какое служенїе прилагалъ самый бѣдный пастушокъ о своемъ стадѣ!

Таковымъ то, младый Государь, попеченіемъ и неусыпностію обязанъ ты будешь своему народу, когда оный порученъ тебѣ, будетъ!

Ибо сіе есть истинное изображеніе народа и Государя, который такъ точно онымъ управляетъ, ежели онъ есть добрый Государь.

НАДПИСЬ

Одинъ Государь приказалъ вырѣзать на своей Коронѣ слѣдующую надпись: *многіе владѣли оною, и многіе будутъ владѣть. Потомство! ты будешь попирать прахъ на моемъ гробѣ.*

Что такое Скиптры, щастіе и побѣда, кои на подобіе молніи быстро протекаютъ? повелитель человѣковъ, дѣлай добро, естьли хочешь быть доволенъ; дѣлай добро, естьли хочешъ, чтобъ память твоя почтена была; дѣлай добро, естьли хочешь, чтобъ небо отверзло тебѣ вѣчныя свои врата.

ИСТИННЫЙ НАПЕРСТНИКЪ ГОСУДАРЯ.

Нѣкоторый Государь будучи во гнѣвѣ осудилъ невинно на смерть одного изъ своихъ рабовъ, который будучи въ отчаяніи и веденъ въ лицѣ его на казнь всемъ почти пренебралъ, роптал на правленіе, на жестокость законовъ, и поносилъ въ неправосудіи самого Государя; сей примѣтивъ роптаніе его, спросилъ у своего

Гос. Публичная Библиотека

любимца, что тамъ такое говоритъ онъ? Онъ говоритъ, Ваше Величество, что въ будущей жизни тѣ Государи, кои прощаютъ, получатъ мздовоздаянїе; а по сему онъ и проситъ у вашего Величества прощенїя. Я его прощаю сказалъ Государь. Другой же царедворецъ, который съ давнихъ временъ былъ врагъ сему любимцу, и который слышалъ такъ же негодованїе сего осужденнаго, васъ обманываютъ, сказалъ Государю, сей нещастный васъ поносилъ. Государь на сїе отвѣтствовалъ: ложъ сказанная мнѣ для меня прїятна, а истинна твоя жестока, потомъ оборотясь къ своему любимцу сказалъ: о другъ мой! *одинъ только ты мнѣ будешь говорить истинну.*

ИСТИННЫЙ МИНИСТРЪ

Одинъ славолюбивый Государь призвавъ своего любимца Министра къ себѣ говорилъ ему такъ: другъ мой! извѣстно тебѣ, что Батрїанскими народами управляетъ слабый и неопытный Государь, и что оный не имѣетъ у себя союзниковъ, слѣдовательно и можно удобно кому завладѣть ими; собери мои войска и ступай противъ нихъ. Слышу, Ваше Величество, отвѣтствовалъ Министръ, но позвольте прежде доложить вамъ, какое имѣемъ мы на то право, что хотимъ отнять вольность у тѣхъ народовъ, кои никакого намъ не сдѣлали зла? таковое завоеванїе,

сказалъ Государь, умножитъ мое государство это не есть безчестіе, чтобы показать свою храбрость и распространить предѣлы своего Государства? такъ Ваше Величество! сказалъ Министръ, но развѣ то честнымъ почтено быть можетъ, чтобы показать своимъ подданнымъ и цѣлому свѣту примѣръ несправедливости?

Убѣжище

Нѣкоторый Министръ, пришедши въ немилость у своего Государя, удалился въ плодоносную свою долину, и началъ тщательно оную обрабатывать. Невинность его довольнымъ ему служила утѣшеніемъ. Въ семъ нещастіи онъ великое находилъ удовольствіе въ новомъ своемъ родѣ жизни. Государю, который уважалъ его дарованія, чувствительна стала таковая потеря. Онъ старался его сыскать, чтобы опять вызвать ко двору; но Министръ Государю въ томъ отказалъ говоря: Ваше Величество! вы возвели меня на высочайшую степень достоинства, и я великодушно сносилъ беспокойство съ величіемъ соединенное, вы принудили меня искать здѣсь убѣжища. Я наслаждаюсь въономъ спокойствіемъ, позвольте больше мнѣ имъ хоть въ послѣдніе остатки дней моихъ наслаждаться ибо удалиться отъ міра есть наилучшій способъ исхитить себя изъ челюстей лютыхъ звѣрей, исторгнуть у злости

ея кинжалъ, лишить клевету ея яда, и похитить у зависти ея змiевъ.

Государь при усильной своей прозбѣ ему говорилъ; Я имѣю нужду въ человѣкѣ просвѣщенномъ и искреннемъ, который бы раздѣлялъ со мною бремя моего сана, я не могу найти кромѣ тебя столь нужнаго для меня человѣка. Ваше Величество! отвѣтствовалъ Министръ: вы его найдете всегда, естьли будете искать между такими, кои васъ неищутъ.

БЕЗПОКОЙСТВIЕ ГОСУДАРЕЙ

Нѣкоторый Государь умеръ, не оставя по себѣ наслѣдника; но въ своемъ завѣщанiи опредѣлилъ Корону тому, кто послѣ смерти его первый вступитъ въ городъ. Убогой земледѣлецъ появился у воротъ городскихъ вдругъ какъ только Государь испустилъ духъ; почему оный и былъ коронованъ; надлежало было ему какъ свои, такъ и постороннихъ войны поддержать, ободрить торговлю, уменшить подати, привести въ цвѣтущее состоянiе науки, и стараться о благосостоянiи своего нерода. Въ короткое время всему оному онъ на учился такъ какъ имѣлъ хорошее понятiе, и во всемъ успѣлъ, по тому, что онъ хотѣлъ дѣлать добро. Но онъ слишкомъ былъ заботливъ. Нѣкоторый поселянинъ той самой деревни, откуда былъ сей новый Государь

пришедши къ нему на поклонъ, сказалъ ему; благодаренїе всемогущему Богу! возведшему тебя на толь высокїй степень славы и могущества. Ахъ нѣтъ, мой другъ! сказалъ Государь, вмѣсто того, что ты возсылаешь благодаренїе Богу, проси, чтобъ онъ даровалъ мнѣ бодрость и терпѣнїе; вмѣсто того, чтобъ меня поздравлять, ты пожалѣй обо мнѣ; ибо въ прежнемъ моемъ состоянїи я безпокоился только о собственныхъ своихъ нуждахъ, *а теперь безпокоюсь о нуждахъ каждаго изъ моихъ подданныхъ.*

ПРАВОСУДІЕ

Нѣкоторый Государь именуемый *истиннымъ* будучи однажды на охотѣ съ своими придворными захотѣлъ позавтрикать; для чего и приказалъ изготовить убитаго собственно имъ изъ ружья его кулічка, и какъ сей поданъ былъ на каверъ, то хватились придворные, что не было соли. Король немедлѣнно приказалъ съѣздить въ близъ лежащую тамо деревню и купить оной хоть у мужичка, за что и заплатить ему съ наградою, но незаплативъ ни подъ какимъ видомъ оной не брать, а иначе за сїе престрого взыщетъ. На что сказалъ Государю одинъ изъ любимцевъ его: Ваше Величество! ето не стоитъ того, чтобы за етакую малость платить. Вить для етого не много щипотей соли надобно

надобно, и сшо самое не здѣлаетъ убытка ни како-го мужичку; шакъ, правда другъ мой, знаю я васъ. Ибо сорви Государь хоть одно въ саду подданныхъ своихъ яблочко, то назавтрея придворные вырвутъ и самое дерево.

Бѣдниинкій крестьянинъ

Одинъ Государь имѣя нѣсколько лѣтъ войну съ одною державою и не имѣя удачи ни въ одномъ почши сраженіи; но однакожъ по гордосши своей не хотѣлъ просишь мира, а надѣясь, чшо будетъ на конецъ его выигрышъ, публиковалъ почши по всякомъ сраженіи въ своемъ Государствѣ, чшо его побѣда, и разсылалъ указы по всѣмъ мѣсшамъ о принесеніи Богу благодаренія объ одержаніи надъ врагомъ побѣды, а между прошчимъ предписывалъ, чтобы для предосторожносши отъ нападенія его, впредь умножашь количество войска и на содержаніе онаго собирашь доходы. Между прошчими всѣми плашившими подаши приносилъ одинъ крестьянинъ оную со слезами, вопще увѣряли его, чшо не надобно жалѣшь шогда, когда наши доходы столь хорошо упошреблены, чшо имѣемъ вездѣ выигрышъ. Да, шакъ, сказалъ крестьянинъ, *мы всё выигрываемъ, а всегда въ игру прикладываемъ.*

ХАРАКТЕРЪ СЕКРЕТАРЕЙ

Двое изъ бѣдныхъ, челобитчикъ съ отвѣтчикомъ имѣя нѣкогда между собою спорное въ судѣ дѣло, снесли по достатку своему одному Секретарю оба по подарочку. Одинъ изъ нихъ снесъ горшечикъ коровья маслица, а другой поросеночка. Секретарь хотя принялъ гостинцы отъ нихъ обѣихъ, но однакожъ при докладѣ присудствующимъ о дѣлѣ ихъ держалъ сторону того, который принесъ ему поросеночка, и почему дѣло рѣшено было въ пользу онаго. Другой, который такъ же по увѣренію Секретаря сего былъ въ надеждѣ получить рѣшеніе по дѣлу въ свою пользу, а особливо по тому, что подарокъ и его былъ принятъ; но напослѣдокъ видя, что только изубыточился и остался безсовѣстно обманутъ, пошолъ къ Секретарю попенять ему въ домъ, и приходя лишь только было ему началъ изъявлять свою обиду, то Секретарь стрѣтивъ его съ величайшею учтивостію и думая, не масло ли онъ свое хочетъ назадъ просить, прервалъ его рѣчь и сталъ извиняться такъ: Государь мой, извините вы меня, я право сердечно старался удержать вашу сторону, но судьямъ такъ было угодно. . . Да я бы можетъ быть и успѣлъ въ томъ, но сего дня проклятый поросенокъ мой такъ меня взбѣсилъ, что я не помню какъ и о дѣлахъ докладывалъ. Да и бѣздѣлица,

взбѣжалъ онъ какъ то въ покой и разбилъ вашъ горшечикъ съ масломъ, которое и пошло ни во что. И такъ я съ досады сей не могъ упомнить всѣхъ доказательствъ со стороны вашей.

ХАРАКТЕРЪ СУДЕЙ

Нѣкоторая вдова, имѣя въ судѣ съ однимъ Сенаторомъ дѣло, и неполучая долгое время никакого рѣшенія, принуждена была итти подать на тотъ судъ жалобу самому Государю. Государь принявъ сей бѣдной вдовы жалобу, приказалъ тотъже часъ призвать къ себѣ тѣхъ судей, гдѣ дѣло ее производилось, и призвавши говорилъ имъ указывая на сію вдову. Слушайте господа Судьи, естьли вы завтреже не рѣшите ее дѣла, то я велю самихъ васъ судить. И такъ оное на завтрее было совершенно рѣшено и по нраву законовъ въ пользу ее; почему вдова наблюдая тогдашнее обыкновеніе пошла съ зажженнымъ въ рукахъ факеломъ благодарить Государя. Сей увидя ее тотчасъ призвалъ опять къ себѣ тѣхъ же судей къ коимъ съ суровостію сказалъ: жестокосердые! для чего продолжали вы столько лѣтъ такое дѣло, которое стоило только вамъ *одного дня*. Послѣ чего и приказалъ немедлѣнно въ страхъ другимъ отсѣчь имъ головы.

Сонъ мздоимца

Во время несноснѣйшаго дневнаго жару прохаживался я съ моимъ пріятелемъ подъ тѣнію высокихъ деревъ составлявшихъ изъ зелени непроницаемый солнечными лучами сводъ; извивавшійся между сихъ деревъ ручеекъ, оживотворялъ густой лугъ привлекавшій приходящихъ туда для отдохновенія. На семъ лугу узрѣлъ я пріятно усыпленнаго безчеловѣчнаго мздоимца и не могши удержаться вскричалъ; Великій Боже! не уже ли напамятованіе о нещастныхъ учиненныхъ имъ, ненарушаетъ сна сего тиранна? Пріятель слыша оныя мои слова сказалъ мнѣ: любезный другъ, удержись отъ роптанія сего, и признай несомнѣнно, что Богъ никогда не можетъ быть несправедливъ; онъ иногда посылаетъ и пріятный сонъ злымъ для того, чтобы между тѣмъ добрые наслаждалися спокойствіемъ.

Сновидѣніе

Въ одинъ день возвратился я домой, имѣя воображеніе наполненное скучными наблюденіями, очернивъ въ умѣ моемъ всѣ правительства, всѣ состоянія и самаго себя, погрузился я въ глубокой сонъ и видѣлъ таковое сновидѣніе: казалося будто я пренесенъ былъ въ мое уединеніе и вмѣсто неудовольствій огорчавшихъ меня, прохаживался я съ спокойною радостію въ лѣсу

прикрывавшемъ мою хижину отъ Сѣверныхъ вѣтровъ будучи удаленъ подъ тѣни отъ глупостей человѣческихъ.

Солнце уже взошло на горизонтъ, лучи его позлащали зелень находившуюся между имъ и мною. Я слышалъ пѣнïе многихъ птицъ, внималъ всѣмъ ихъ согласïямъ, примѣчалъ разнообразïе ихъ величины, полетовъ и перьевъ. Соловей, дроздъ, воронъ, синица, сова, жаворонокъ, орелъ горлица, пѣли, свистали, кричали, ворковали, прыгали, перепырхивали, лѣтали, и казалось, будто бы всѣ онѣ между собою разговаривали.

Небо открыло мнѣ знанïе различныхъ ихъ языковъ: я уразумѣлъ, что орелъ издѣвался надъ зрѣнïемъ совы; горлица надъ поведенïемъ ястреба съ презрѣнïемъ взиравшаго на ея слабость, дроздъ смѣялся крику орла, сова и сорока порочили въ воронѣ печальный его видъ, а въ воробьѣ не находили онѣ ничего отмѣннаго.

Вдругъ узрѣлъ я, что то необыкновенное снизшедшее съ неба. Ето былъ юноша, коего тѣло подобно было бѣлизнѣ снѣга, усыпанной розовыми цвѣтами: онъ имѣлъ два великïя крыла лазуреваго цвѣта, кои какъ будто нарочито позлащены были по краямъ, волосы у него были черные и глаза такого же цвѣту, кои столько проницательны, что никакой бы лицемѣръ не могъ снести ихъ взоровъ; взлѣтѣвъ на дубъ возвышавшïйся паче протчихъ кедровъ, созвалъ онъ

птицЪ различныхЪ родовЪ нарицая каждую изЪ нихЪ по имяни; вдругЪ слѣтѣлись онѣ вокругЪ его на вѣтви кедровыя, и онЪ повелѣвЪ быть молчанію, рекЪ:

Внемлите открываемой вамЪ мною небесной волѣ, по достоинству своему вы всѣ равны, а различаетеся только потому, что вы на разныя предуставлены служенія.

ОрелЪ рожденЪ для брани, крикЪ его изображующій силу не можетЪ имѣть пріятности. Сова не могла бы ловить вЪ темнотѣ насѣкомыхЪ и пресмыкащихся, отЪ которыхЪ она должна очищать землю, естьли бы глаза ея могли сносить солнечное сіяніе. Соловью и синичкѣ для пріятнаго голоса надлежало дать нѣжныя органы, горлица рожденная для любви водворяется подЪ тѣнями, гдѣ ничто непрерываетЪ удовольствія ея любви, слѣдовательно кЪ чему бы вЪ такомЪ случаѣ ей послужили ястребиной носЪ и кохти? и такЪ оставайтесь всякЪ при своихЪ настоящихЪ должностяхЪ безЪ сѣтованія и гордости; повинуйтесь разнообразно впечатлѣніямЪ природы, и взирайте на свои различія, а не на достатки.

По окончаніи сихЪ словЪ, птицы всѣ разлѣтѣлись, и духЪ поднялся кЪ небесамЪ устремя быстро взорЪ свой на меня; вдругЪ пробудился я отЪ сна и самЪ себѣ сказалЪ; кЪ чему мнѣ впредЪ требовать отЪ Кади придворной вѣжли-

вости, отъ Имана благородной откровенности, отъ купца некорыстолюбія сроднаго философу, а отъ философа уловокъ горделивца? я то тотъ самый, котораго ты небесный житель пришелъ наставить! Наставленія твои всегда впечатлѣнны будутъ въ моемъ сердцѣ, а уста мои стократно возвѣстятъ человѣкамъ.

Государи мои! всѣ мы вмѣстѣ отправляемся въ путешествіе въ разныя страны свѣта; не нужно намъ ни одинакое одѣяніе ни одинакое кушанье. Мы живемъ въ такомъ сѣмействѣ, коего начальникъ снабдилъ насъ къ своему служенію различнаго свойства благими, которыми всякой своимъ и долженъ быть доволенъ не оскорбляя болѣе роптаніями его правосудіе. Онъ зналъ кого чемъ наградить, и потому предопредѣлилъ каждому его состояніе: ибо къ чему служатъ Монаху военныя орудія, а воину длинное черное его платье?

Сонъ достойный примѣчанія

Двое друзей изъ Аркадіи вознамѣрились побывать въ Мегарѣ, куда прибывши расположились они квартирою въ трактирѣ. Одинъ изъ нихъ имѣя въ семъ городѣ стариннаго своего друга пошолъ съ нимъ повидаться, который будучи радъ ему и удержалъ его у себя переночевать, а другой остался въ трактирѣ. Тотъ, который остался у друга своего на ночь, видѣлъ во снѣ,

что будто товарища его губятъ, и оный оплакивая его отсутствие призывалъ безпрестанно его на помощь.

Видя такое сновидѣние вдругъ онъ пробудившись, вскочилъ спостели и хотѣлъ было туже минуту итти къ нему на помощь, но разсудивъ, что ето ему такъ пригрѣзилось, опять легъ. Едва сомкнулись его глаза, опять приснилось ему, что уже его другъ мертвъ, и что будто мертвое тѣло его везено было на тѣлегѣ за городъ. При семъ вторичномъ сновидѣнии вдругъ онъ испугался и вскочивъ съ постели побѣжалъ опрометью къ городскимъ воротамъ въ которыя видилъ онъ во снѣ провезли тѣло его друга, и подходя къ онымъ къ нещастию видитъ онъ и въ самомъ дѣлѣ выброшенное мертвое его тѣло наземлю, которое оплакавъ побѣжалъ онъ къ хозяину того трактира, и обьявивъ въ полиции о убитии друга своего просилъ, чтобы велено было взять его подъ стражу и допросивъ судить его по законамъ яко убийцу, который по признанию и самъ былъ осужденъ на смерть.

Другой сонъ.

Одинъ Италианецъ видѣлъ во снѣ статую льва стоящую подлѣ церкви, которая будтобы хотѣла его съѣсть; назавтрее нарочито пошолъ онъ съ друзьями своими къ етой самой церьквѣ, подлѣ которой стояла оная видимая имъ во снѣ

статуя, и между прочимъ идучи расказывалъ онъ съ усмѣшкою друзьямъ своимъ видѣнной имъ въ прошедшую ночь сонъ сей, на конецъ пришедши къ сей статуи, началъ онъ пальцы свои класть въ отверстый ея зѣвъ, говоря: на, на, съѣшь, левъ; но едва успѣлъ сказать сіи слова, вдругъ залѣзшая туда змія такъ ужалила руку его, что онъ отъ того спустя нѣсколько дней и дѣйствительно умеръ.

НРАВОУЧЕНІЕ

Хотя философія и невелитъ намъ снамъ вѣрить; однакожъ и отвергать ихъ не должно. Ибо изъ нихъ иные случаются иногда такіе, которые въ самомъ дѣлѣ служатъ намъ предвозвѣстіемъ щастія и не щастія: а таковое то предвозвѣстіе можетъ намъ послужить по крайней мѣрѣ нѣкоторою предосторожностію какъ къ отвращенію будущихъ разныхъ стекающихся въ жизни худыхъ обстоятельствъ, такъ равно и къ пріобрѣтенію многихъ мѣръ къ щастію.

ТАКОВЪ НЫНѢ СВѢТЪ

Были нѣкогда два друзья разныхъ между собою свойствъ. Одинъ изъ нихъ былъ честолюбивъ, гордъ, презиралъ всѣ нискія состоянія, и любилъ одну только жизнь знатныхъ господъ; а другой на противъ того, любилъ всякое увеселеніе

невинное и быть больше уединенну; тотъ при всемъ изобилїи не будучи доволенъ своимъ состоянїемъ, вздумалъ оставить оное и итти искать лучшаго щастїя. Онъ расположившись такимъ образомъ просилъ съ собою усильно и своего друга, говоря ему такъ, любезный другъ! живемъ мы съ тобою давно въ одномъ мѣстѣ и живемъ такъ, что ни мы людей, ни люди насъ знаютъ. Люди живутъ въ щастїи, получаютъ чины и Кавалерїи, которые н нестоятъ того, а мы кажется и отвѣчалибы сему, но сами неищемъ етого, а неискавши ни кто намъ сюда не принесетъ ни княжества ни графства. Пойдемъ по ищемъ щастїя; вить ни одинъ Пророкъ въ отечествѣ своемъ непрославится, и священное писанїе тоже говоритъ.

Но сей зная, что титлы и достоинства мїра сего не всякому удаются, да и что они какъ бы подразнивъ только насъ почти туже минуту отъ насъ уходятъ и оставляютъ на конецъ еще въ большемъ не удовольствїи, отказалъ ему въ томъ и остался самъ съ покойствїемъ провождать время въ прїятномъ уединенїи. По чему честолюбивый одинъ пустился итти искать своего щастїя. Онъ приходитъ въ столицу славнѣйшей Державы, гдѣ щастїе раздѣляло при дворѣ свои дары. Говорятъ ему, что будетъ при дворѣ на завтрее балъ, на которомъ многїе чиновные будутъ отъ Государя своего жалованы разными награжденїями. Тутъ онъ обрадовался,

говоря, теперь то я буду щастливъ! и по чему положилъ водраться непремѣнно во дворецъ вмѣстѣ съ чиновными. На завтрее встаетъ онъ рано и убирается какъ можно пышнѣе. Сія уборка заняла его такъ, что онъ спѣша во дворецъ въ торопливости забывалъ почти самъ себя, и ворочался неодкократно на квартиру за вещьми, которые непремѣнно ему были нужны; на конецъ собравшись со всѣмъ приходитъ онъ ко двору, гдѣ сказываютъ ему, что балъ уже кончился и собраніе разъѣхалось, и еще долго оныхъ не будетъ. Онъ съ неудовольствіемъ возвращается назадъ, бранитъ всѣхъ людей и самаго себя. Нѣтъ, сказалъ, здѣсь щастіе мало удостоиваетъ своего присудствія жителей, оно конечно избрало себѣ жилище въ Парижѣ, пойду и явлюсь я ей тамъ; приходитъ онъ и туда; но къ нещастію тутъ находитъ онъ все въ растройкѣ, всѣхъ въ буйствѣ, и ни единаго ненаходилъ, который бы могъ похвалиться ему щастіемъ, словомъ тутъ ни что не обѣщевало ему лестнаго, или лучше сказать, тутъ почти угрожало ему все, дабы удалился онъ оттуда немѣдлѣнными шагами непогибшимъ. И такъ онъ пробывъ тамъ нѣсколько дней и не нашедши нигдѣ даже и слѣдовъ щастія, пустился опять далѣе искать онаго; прошедши нѣсколько миль расположился онъ отдохнуть, и размышляя самъ себѣ сказалъ. Постой! теперь ужъ знаю гдѣ ее найтти. Пойду

Англію, тамъ то оно воздвигло себѣ храмы, и раздѣляетъ всѣмъ щедро свои дары. И такъ приходитъ онъ сюда и слышитъ, что инаго щастье наградило чиномъ, инаго орденомъ; а инаго Ефимками, иного же тепленькимъ мѣстечкомъ, словомъ, тутъ онъ слышалъ почти отъ всѣхъ сію Богиню обожающую и расточающую всѣмъ безъ изъятія свои блага. Среди сихъ радостныхъ восклицаній обожателей ея, говорилъ онъ съ восхищеніемъ, вотъ развѣ теперь то подлинно я ухвачу щастіе за крылья и выпребую отъ него для себя то чего бы никто лучше меня не имѣлъ дабы на славу показаться домой и удивить всѣхъ знающихъ меня. Къ большему и вящшему его ласканію вдругъ какъ то въ то время стеклось нѣсколько торжественныхъ дней сряду, и онъ дабы опять неподвергнуться торопливости убирается въ парадъ во дворецъ еще съ вечера, и на завтрее едва появился свѣтъ, вдругъ толкается у дверей зала, гдѣ обыкновенно принимаетъ Государь всѣхъ чиновныхъ своихъ и жалуетъ, и проситъ чтобы отперли ему оныя, дабы заблаговременно расположиться какъ бы вмѣстѣ между жалованными подойти къ полученію Государской милости и ему; но увы! стоявшіе у оныхъ дверей часовые къ нещастію ево сочли сію смѣлость его неиначе какъ воровскою, и взяли его бѣднаго толкать вонъ въ ружьи; а сверьхъ

сего отвели еще его подъ караулъ. Тутъ то опамятовался онъ и сказалъ: *почто дерзаю я такъ мыслью заблуждаться, чтобъ благость Божія могла меня чуждаться. Чего достойны мы, Богъ больше намъ даетъ, а удивляетъ то всегда, что намъ во вредъ.* Однакожъ тутъ онъ просидѣлъ не долго. Къ щастію его бывшій въ то время на караулѣ дежурный Офицеръ былъ очень великодушный человѣкъ, и онъ узнавъ отъ него такую его нещастную Исторію сжалился надъ нимъ, и велѣлъ его изъ подкараула выпустить чистосердечно совѣтуя ему назадъ домой возвратиться и жить такъ, какъ судьба предопредѣлила. Онъ видя то, что ни гдѣ ему неудается попасть на щастіе, да и еще попался было въ руки къ соперницѣ ее, принужденъ былъ повернуть оглобли назадъ и брести до двора. Слава Богу! до-тащился онъ кое какъ до онаго и входитъ усталыми ногами въ покои друга своего, котораго нашелъ онъ въ такомъ глубокомъ и пріятномъ снѣ, что едва его могъ толкая разбудить. Тутъ то уже онъ обнявъ со слезами друга своего не устыдился сказать ему: правду, правду любезный другъ! ты мнѣ говорилъ; я весьма ошибся, что не хотѣлъ тебѣ повѣрить въ томъ . . .

Таковы то плоды вѣтренности! я чаю самые вѣтры, моря и рѣки устали его на раме-

нахъ своихъ нося. Таковаго рода люди кажется презрѣнія больше нежели сожалѣнія достойны.

Просвѣщение

Визирь Муссафаръ вопрошалъ нѣкогда великаго Аарона Рашильда, какія онъ имѣлъ виды возстановляя Академіи, заводя училища и стараяся о цвѣтущемъ состояніи наукъ. Развѣ вы думаете, говорилъ онъ, что вамъ народъ будетъ лучше повиноваться? конечно отвѣтствовалъ Калифъ: ибо народъ мой лучше судить будетъ о справедливости моихъ законовъ. А лучше ли будетъ платить подати? безъ сомнѣнія: ибо онъ увидитъ, что я кромѣ нужнаго, ничего отъ него не требую.—такъ правда ваше Величество! но скажите съ большею ли ревностію будутъ сражаться ваши воины? и конечно съ большею: ибо у насъ будутъ начальники просвѣщеннѣе-—Хорошо, но мудрецы ваши и ученые, продолжалъ Визирь, не захотятъ ли вмѣшиваться въ правленіе? не дерзнутъ ли замѣчать вашихъ ошибокъ? тѣмъ лучше для меня; ибо они напомнивъ мнѣ о учиненныхъ мною ошибкахъ научатъ меня больше ихъ недѣлать. Визирь упорствуя сказалъ: какъ просвѣщать всѣхъ? вы позволите вашимъ мудрецамъ свободно открывать имъ ихъ мысли? безъ сомнѣнія, отвѣчалъ съ жаромъ Калифъ, естьли они не будутъ

свободно изъясняться, то и наставленіе ихъ будетъ несовершенно; но нѣкоторые изъ нихъ немогутъ ли распространить заблужденій. —могутъ; но сіи самыя заблужденія опровержены будутъ другими. Ваше Величество! прибавилъ Визирь, мнѣ не должно отъ васъ скрывать и я чистосердечно признаюсь вамъ, что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ народъ вашъ началъ просвѣщаться, *сдѣлался вольнодумъ, нетерпимъ рабства и дерзостенъ.*

ЗНАНІЕ И МУДРОСТЬ СУТЬ ТАКІЯ СОКРОВИЩА КОИХЪ У БѢДНАДО СТУДЕНТА НИ КТО ОТНЯТЬ НЕ МОЖЕТЪ.

Аристиппъ сланвый древній Греческій философъ нагрузивши нѣкогда корабль для путешествія своего въ островъ Крету имѣлъ нещастіе претерпеть кораблекрушеніе близъ острова рода, гдѣ бурею и былъ разбитъ весь его корабль; однакожъ самъ онъ имѣлъ щастіе спастись съ своими нѣкоторыми товарищами, и выплывши къ пещаному берегу онаго расположились они на ономъ отдохнуть, гдѣ между протчимъ прохаживаясь примѣтили они на песку разные изображенные Геометрическіе фигуры, что, такъ обрадовало Аристиппа, что оный съ радостію вскричалъ къ товарищамъ своимъ: слава Богу, любезные друзья! есть надежда, унывать не очемъ; Всевышніе Боги завели насъ въ такую страну, гдѣ людей можно почесть людьми; послѣ чего

они пошли въ городъ Родосъ, куда прибывши приняты были жителями сего города съ такою благосклонностію, что оные усильно просили сего Философа остаться у нихъ для преподаванія юношеству знаній. Аристиппъ во удовольствіе ихъ не могъ отрещись и остался по прозбѣ ихъ для преподаванія дѣтямъ ихъ своихъ знаній, по чему онъ открывъ училище началъ преподавать свое ученіе. Стараніе его столько было успѣшно, что уже привозимыхъ въ училище къ нему дѣтей замножествомъ почти некуда было ихъ дѣвать, и чемъ самымъ онъ столько получалъ себѣ за труды, что могъ не токмо себя, но и всѣхъ своихъ товарищей содержать безъ нужды. Въ продолженіе нѣсколько времени онъ сими трудами своими пріобрѣлъ уже и великое богатство; но товарищи его сколько ни довольны были его благодѣтельствованіемъ; однакожъ желаніе видѣть свое отечество безпрестанно побуждало ихъ разлучиться съ нимъ. онъ примѣтя ихъ таковое желаніе отпустилъ ихъ охотно отъ себя и наградилъ ихъ довольно. При послѣднемъ прощаніи спросили они у него, что прикажетъ онъ сказать въ Греціи родителямъ своимъ и друзьямъ, на что отвѣтствовалъ онъ имъ: скажите отъ меня вы имъ то, чтобы они старались употребить всѣ свои труды и попеченія научать хорошо своихъ дѣтей: ибо знаніе есть такое сокровище, котора... ни что у насъ

похитить не можетъ, не такъ, какъ злато и серебро, на кои иногда мы всю свою надежду полагаемъ и которыя напротивъ того суть погибшія сокровища, такъ, какъ вы и сами это опытомъ дознали при нашемъ кораблекрушеніи, и ежели бы я не имѣлъ съ собою ни какихъ знаній, то бы мы всѣ вмѣстѣ погибли отъ голоду и отъ бѣдности.

О ИСТИННОМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ

Титло Величества есть двоякаго рода, одно ложное, а другое истинное, изъ коихъ одно отъ другаго очень скоро различить можно. Ложное Величество примѣтить можно, по тому что оно обыкновенно бываетъ гордо и неприступно, и поелику оно само себя признаетъ слабою, то оно въ нужномъ случаѣ часто или прячется за другихъ, или по крайней мѣрѣ тутъ уже не выставляетъ лба своего, такъ какъ привыкло сіе дѣлать иногда, а когдажъ необходимость того требуетъ, чтобъ ему быть при ономъ случаѣ, то оно тогда показывается только такъ, что бы какъ можно не обнаружить себя, и не показать въ самомъ дѣлѣ того, что оно дѣйствительно есть. (*)

Истинноежъ Величество скоро примѣтить можно потому, что оно бываетъ вольно, пріятно,

(*) То есть маловажность или нискость.

тихо, ласково, ко всѣмъ снисходительно, откровенно и народолюбимо. Словомъ: чемъ болѣе узнаютъ ее, тѣмъ болѣе ее почитаютъ и удивляются. Оно не гнушается съ ласкою кланяться и нискаго состоянія людямъ. Уступаетъ мѣсто иногда само по встречавшемуся съ нимъ, и забываетъ, что оно есть титло Величества. Когда разговариваетъ съ какимъ нибудь маленькимъ человѣкомъ, то разговариваетъ съ великою благосклонностію и благопріятною улыбкою, даетъ ли кому что, или пріемлетъ, или отказываетъ, то все сіе дѣлаетъ съ самою сердечною откровенностію, и чемъ самымъ еще больше привлекаетъ къ себѣ любовь и почтеніе. Всякъ приближается къ ней безъ боязни и съ натуральною вольностію, но съ вольностію скромною; словомъ. Благородный и обходительный ея характеръ раждаетъ во всякомъ истинное къ ней почитаніе и довѣренность; И такимъ то образомъ оно обитая въ сердцахъ Графовъ и Князей представляетъ намъ ихъ великими особами и достойными истиннаго уваженія всѣми, не давая ни мало намъ чувствовать того, что мы предъ ними маленькіе люди.

Таковый Характеръ по истиннѣ не многимъ приписать можно. Ибо не многіе его и имѣютъ, хотя въ протчемъ и всякъ бы не отрекся симъ гордится.

Я не могу сказать того, кого въ куплетѣ семъ разумѣлъ точно въ сочиненіяхъ своихъ называемыхъ *нравы сего вѣка* славный

Французскій писатель *де ла Брюйеръ*, но мнѣ кажется достойно приписать оный безъ оскорбленія другихъ истинно добродѣтельному человѣку *Графу Ангальту*, которому надѣюсь, и всякъ совершенно добрую душу его знающій неотречется отдать сей справедливости, и котораго ежели свѣтъ еще до селѣ не узналъ хорошо, то по крайней мѣрѣ узнаютъ о немъ потомки и возвѣстятъ другимъ. (*)

Есть еще другая особа, которой Характеръ сей также приличествуетъ не менѣе, но я не могу наименовать ей тутъ же для того, чтобы вмѣсто должнаго къ особамъ симъ почтенія, не подать чрезъ сіе случая сравнивать ихъ кому нибудь не кстати, а паче не подать случая злонравію цѣнить ихъ изъ зависти. Ибо въ свѣтѣ семъ всякаго рода люди бываютъ...

Разговоръ

Суевѣрія съ разумомъ въ дремучемъ лѣсу

Суевѣріе

Какъ мнѣ нестерпимъ взглядъ этого важничеющаго господина! —сердце чувствуетъ, что

(*) Такъ какъ по отъѣздѣ его изъ Саксоніи въ Санктпетербургъ, когда получилъ онъ отъ Россійской МОНАРХИНИ весьма лестный призывъ поздо сожалѣли о немъ Саксонцы лишившись его; что лучше видѣть можно читая Берлинскія еже мѣсячныя сочиненія 1784 году въ 3 томѣ на страницѣ 259

Богъ на пагубу мою создалъ его (и съ покиванїемъ головы къ разуму) желаю здравствовать!

Разумъ:

Скинь маску.

Суевѣрїе:

Почтенный Господинъ; я и такъ не въ маскѣ и никогда маски не ношу.

Разумъ:

Ето правда для тѣхъ, которые не видятъ; но мое имя разумъ, и мнѣ очковъ ненада.

Суевѣрїе:

Простите мнѣ, милостивый государь, естьли я осмѣлюсь доложить, я имѣла честь слыхать объ вашемъ имени и рекомендую себя въ ваше знакомство.

Разумъ:

Знай, что разумъ съ Суевѣрїемъ знакомства имѣть ни когда не можетъ.

Суевѣрїе:

Какъ ахъ вы спѣсивы, милостивый Государь!

Разумъ:

Не спѣсивъ, но правдивъ.

Суевѣрїе:

И такъ мнѣ вашего знакомства со всѣмъ должно отчаяться?

Разумъ:

Безъ сомнѣнїя, я вижу, но хромаю... Однакожъ догоню тебя, и ты чудовище изрыгнутое адомъ падешъ паки въ адъ. Рука моя тебя туда свернетъ *Аминь*.

РАЗГОВОРЪ

Великаго Александра съ Клитомъ въ царствѣ мертвыхъ

КЛИТЪ.

Здравствуй Великїй Государь! давно ли ты сошелъ въ сїи мрачные краи?..

АЛЕКСАНДРЪ

Ахъ! ето ты Клитъ, о! поди пожалуста отъ меня прочь. Я не могу терпѣть твоего вида, онъ мнѣ упрекаетъ моею предъ тобою виною.

КЛИТЪ

Куда тутъ итти? здѣсь сиди коли посаженъ, и никуда безъ позволенїя неступи ногою. Тутъ нѣтъ дорогой нашей вольки; а когда бы была она въ рукахъ нашихъ, то я бы и самъ минуты здесь не остался. Но ты видишь ограду и господъ приставовъ та нашихъ. .что? каковы?—вотъ, братъ таково то здѣсь!—станемъ ужъ вмѣстѣ жить, Какъ быть, хоть тебѣ бы и не хотѣлось вѣчно меня видѣть, но Плутонъ нарочно опредѣлилъ, что бы я былъ предъ твоими глазами, для того, чтобы чрезъ сїе самое тебя самого наказать за лишенїе меня несправедливо моей жизни, Я и самъ сожалѣю о тебѣ: ибо я тебя еще люблю не смотря на зло, которое ты сомною учинилъ, но однакожъ не въ моей воли отойти отъ тебя.

АЛЕКСАНДРЪ.

Ахъ какая несносная компанія! видить предъ собою всегда того, который приводя на память о содѣланномъ, приводитъ въ такой стыдъ и мученіе.

КЛИТЪ

А я такъ напротивъ того смотрю на тебя безъ зазрѣнія совѣсти, для чегожъ ты не можешь смотрѣть на того, котораго ты умертвилъ? а! ето конечно по тому, что вы большіе гораздо деликатнѣе нежели мы маленькіе? вы нехотите видѣть предъ собою, какъ только тѣхъ, которые вами довольны, которые вамъ льстятъ и которые говорятъ и дѣлаютъ предъ вами то, что только вамъ нравится; нѣтъ ужъ прошло время деликатничать, на брегахъ *Стикса* сему не мода, надлежало оставить сіе деликатство, еще оставляя свое Величество. Тебѣ нечемъ больше здѣсь задаривать, и ты не найдешъ здѣсь себѣ ласкателей.

АЛЕКСАНДРЪ

Ахъ, какое злощастіе! на земли я былъ Богъ, а здѣсь не иное что есмь, какъ тѣнь, и мнѣ упрекаютъ моими проступками еще безъ сожалѣнія.

КЛИТЪ

Кто тебѣ виноватъ? на что ты ихъ дѣлалъ.

АЛЕКСАНДРЪ

Что касается до того, что я тебя убилъ, то тогда я, права, былъ пьянъ.

КЛИТЪ.

Вотъ прекрасное извиненіе для Героя и для Бога! тотъ, которому бы надлежало быть совершенно умнымъ для управленія цѣлымъ свѣтомъ, терялъ свой умъ весь въ пьянствѣ, и дѣлался подобнымъ самому жестокому скоту; но однакожъ признайся по совѣсти, не худоюль славою, или не гнѣвомъ ли ты тогда больше былъ пьянъ, нежели виномъ. Ты не могъ точно по тому терпѣть меня, чтобы я неизобличалъ тебя больше пустою мечтою или тщеславіемъ, которое заставляло тебя присвоивать себѣ чести единому Богу принадлежащія и забывать заслуги тебѣ оказываемыя? ну отвѣчай же, что ты умолкъ? нѣтъ, я уже теперь тебя небоюсь и и неопасаюсь больше, что бы ты меня убилъ.

АЛЕКСАНДРЪ

О немилосердые Боги! по что я не могу отмстить сей Клитовой тѣни, которая такъ наругается надо мною.

КЛИТЪ

Ты еще сердишся и горячишся, каковымъ ты мнѣ кажется прежде не былъ, но нигорячись братъ Александръ, вить здѣсь ни кто тебя не боится, и что касается до меня, то право, ты мнѣ больше жалокъ.

АЛЕКСАНДРЪ

Какъ? великїй Алаксандръ можетъ быть жалокъ такому маленькому человѣку, каковъ есть Клитъ. Фу!—о Боже! почто не могу или его убить, или самаго себя.

КЛИТЪ

Да, конечно ты не можешь здѣлать ни того ни другаго, тѣни не умираютъ. Ты уже безсмертенъ, каковымъ тебѣ въ такомъ состоянїи можетъ быть и не хотѣлось бы быть, и чего ты не надѣялся. Но какъ быть?—надобно уже рѣшиться и быть такою же тѣнїю, какъ я, и всякїй послѣднїй изъ человѣковъ. Ты уже не будешъ больше грабить здѣсь провинцїй и Государствъ, ни попирань ногами Государей, ниже будучи пьянымъ жечь дворцовъ, ни разказывать смѣшныхъ басенъ, чтобы тщеславиться тебѣ, что ты есть сынъ Юпитера.

АЛЕКСАНДРЪ

Ты, права считаешъ меня за послѣдняго?

КЛИТЪ

Нѣтъ, напротивъ того я тебя признаю за великаго воина и природою для сего одареннаго но испорченнаго чрезъ великїя успѣхи, и я говорю правду безъ лести, развѣ тебя она огорчаетъ? ну, такъ когда такъ, возвратись опять на тотъ свѣтъ (буде можно) ты тамъ конечно найдешъ ласкателей.

АЛЕКСАНДРЪ

Къ чему послужитъ мнѣ вся моя слава когда самый Клитъ нещадитъ меня.

КЛИТЪ.

Ето всему причиною запальчивость твоя, она помрачала твою славу, желаешъ ли ты ее сохранить непорочною въ семъ новомъ жилищѣ, то надобно быть какъ можно скромнымъ, обходяся съ тѣнями, которыя не имѣютъ ничего ни дать ни получить отъ тебя.

АЛЕКСАНДРЪ

Но ты сказалъ, что любишъ меня?

КЛИТЪ

Такъ, конечно, я люблю тебя, только не люблю твоихъ худыхъ дѣлъ.

АЛЕКСАНДРЪ

Ну такъ, ежели ты любишъ меня пощади меня.

КЛИТЪ

Для того то я и немогу пощадить тебя, что люблю тебя. Когда ты оказалъ себя столь цѣломудреннымъ предъ супругою и дочерью Дарія, когда показалъ ты столь великодушія побѣжденнымъ Государемъ, то ты много заслужилъ за сіе похвалъ, и я тебѣ ихъ приписалъ. Напослѣдокъ потомство принудило тебя о попеченіи, даже и собственной твоей славы забыть; итакъ прощай, меня Плутонъ къ себѣ спрашиваетъ.

РАЗГОВОРЪ

Людовика XI съ Филиппомъ де Коминъ.

ЛЮДОВИКЪ

Я слышалъ, что ты Исторію обо мнѣ писалъ.

ФИЛИППЪ

Такъ Ваше Величество, писалъ, и писалъ самую правду.

ЛЮДОВИКЪ

Мнѣ говорили, что будто ты обомнѣ написалъ тамъ много такого, что стыдно и читать и о чемъ бы ненадобно совсѣмъ свѣту давать знать.

ФИЛИППЪ

Можетъ быть; однакожъ я въ ней по большой части писалъ въ вашу пользу, а вамъ бы хотѣлось, чтобы я былъ безпрестанно вашимъ льстецомъ вмѣсто того чтобы быть истиннымъ Историкомъ? нѣтъ, довольно того, что и при жизни вамъ льстили, и на тотъ разъ можетъ быть иной насъ и извинитъ, а по смерти уже ни какъ неизвинительно..

ЛЮДОВИКЪ

Нѣтъ, я не хочу и самъ чтобы мнѣ кто льстилъ, но ты долженъ былъ изъ благодарности покрайней мѣрѣ обо мнѣ писать такъ какъ о Государѣ исполненномъ благотвореніями и милостями къ своимъ подданнымъ.

ФИЛИПП.

О! нѣтъ, Ваше Величество, ежели бы мнѣ выхвалять одни только добродѣтели ваши а о порокахъ изъ благодарности умалчивать, тобы никто не сталъ мнѣ и въ самой правдѣ вѣрить да и сверьхъ сего не токмо самъ навлекъ бы на себя чрезъ сїе подозрѣнїе, но даже и на другихъ моихъ сверстниковъ; благодарность не требуется въ Исторїи, она совсѣмъ тутъ посторонняя вещь она то напротивъ того и дѣлаетъ Исторїю подозрительною.

ЛЮДОВИКЪ

Такъ для чегожъ вы господа Историки и стараетесь дѣлать намъ ету честь, чтобы оставить имя наше незабвеннымъ и передать его въ свѣденїе потомству? лучше оставить мертвыхъ въ покоѣ, и не пятнать ихъ славы?

ФИЛИППЪ

Для того, что ваша слава была другими очень замарана, а я старался ее оправдать, превознести всѣ ваши хорошїя качества, и тѣмъ самымъ избавить васъ отъ ненавистнаго оклеветанїя. Чтожъ еще вамъ лучше надобно?

ЛЮДОВИКЪ

То, чтобы ты уже лучше или совсѣмъ молчалъ или бы вовсемъ меня защищалъ. Я слышалъ, что ты описалъ въ исторїи своей всѣ мои притворства, всѣ тѣлодвиженїя, также и всѣ придворныя хитрости, которые употреблялъ я

иногда предъ маленькими людьми. Сказывали мнѣ также, что ты открылъ тайну въ духовникомъ и лѣкаремъ; не забылъ также упомянуть о моемъ богомоліи, а особливо бывшемъ передъ концомъ жизни, о собраніи мощей и другомъ сему подобномъ о чемъ мнѣ только бы и знать надлежало, а свѣту открывать совершенно смѣшно.

ФИЛИППЪ.

А чтожъ, развѣ все это неправда? это все было, такъ какъ же мнѣ можно было умолчать? вѣдь не одни мы съ вами тогда жили.

ЛЮДОВИКЪ.

Тебѣ бы не надобно было ни о чемъ объ етомъ писать.

ФИЛИППЪ.

А тебѣ бы не надобно было ничего етого дѣлать.

ЛЮДОВИКЪ.

Но ужъ ето было сдѣлано, то тебѣ бы и не надлежало объ етомъ разславливать.

ФИЛИППЪ.

Но поелику уже ето было сдѣлано, то и нельзя было мнѣ утаить сего отъ потомства.

ЛЮДОВИКЪ.

Какъ? развѣ не льзя умолчать о нѣкоторыхъ дѣлахъ?

ФИЛИППЪ.

Какъ же можно? развѣ вы думаете, что по смерти Государя современники его будутъ молчать и будутъ скрывать всѣ погрѣшности, такъ какъ вы сами старались скрывать ихъ во всю вашу жизнь? о! нѣтъ, нѣтъ Государь; — они ни о чемъ не умолчатъ тогда, какъ о томъ, что будетъ касаться до славы вашей, такъ равно и о томъ, что будетъ клониться къ безславїю вашему. И хотя бы я сколько ни старался скрыть ваши ошибки, то не могъ бы пропущенїемъ ихъ укрыть, и еще тѣмъ болѣе, самъ попалъ бы чресъ сїе въ подозрѣнїе. Итакъ вы довольны будьте по крайней мѣрѣ тѣмъ, что я ничего о васъ ни прибавилъ и не убавилъ; словомъ, что я самую истинну во всей исторїи моей о васъ написалъ.

ЛЮДОВИКЪ.

Какъ? такъ Исторїя не должна почитать Государей?

ФИЛИППЪ

А Государи не должны почитать Исторїю и потомство, отъ цензуры (*) которыхъ они не могутъ избѣгнуть? нѣтъ, Государь. не такъ должны вы были думать. Тѣ кои желаютъ, что бы не говорили объ нихъ по смерти худо, не остается имъ имѣть, какъ одно сїе прибѣжище, что бы въ жизни дѣлать всегда добро, сколько возможно.

(*) Значитъ пересматриванїе, или Критика.

Одинъ крестьянинъ желая услужить своему барину, и также надѣясь получить отъ него нѣкоторую милость, выучилъ попугая выговаривать, *здравствуй*, и принесъ его къ своему господину; а сей видя его усердіе подарилъ ему за него быка и корову.

* * *

Другой видя ето, захотѣлъ также воспользоваться господскою милостію; для чего продавши нѣсколько хлѣба поѣхалъ въ городъ и купилъ попугая, котораго однакожъ сколько онъ ни училъ, но не могъ выучить говорить, *здравствуй*, и наконецъ разсердясь сказалъ, *пропалъ мой трудъ и свѣчи*.

* * *

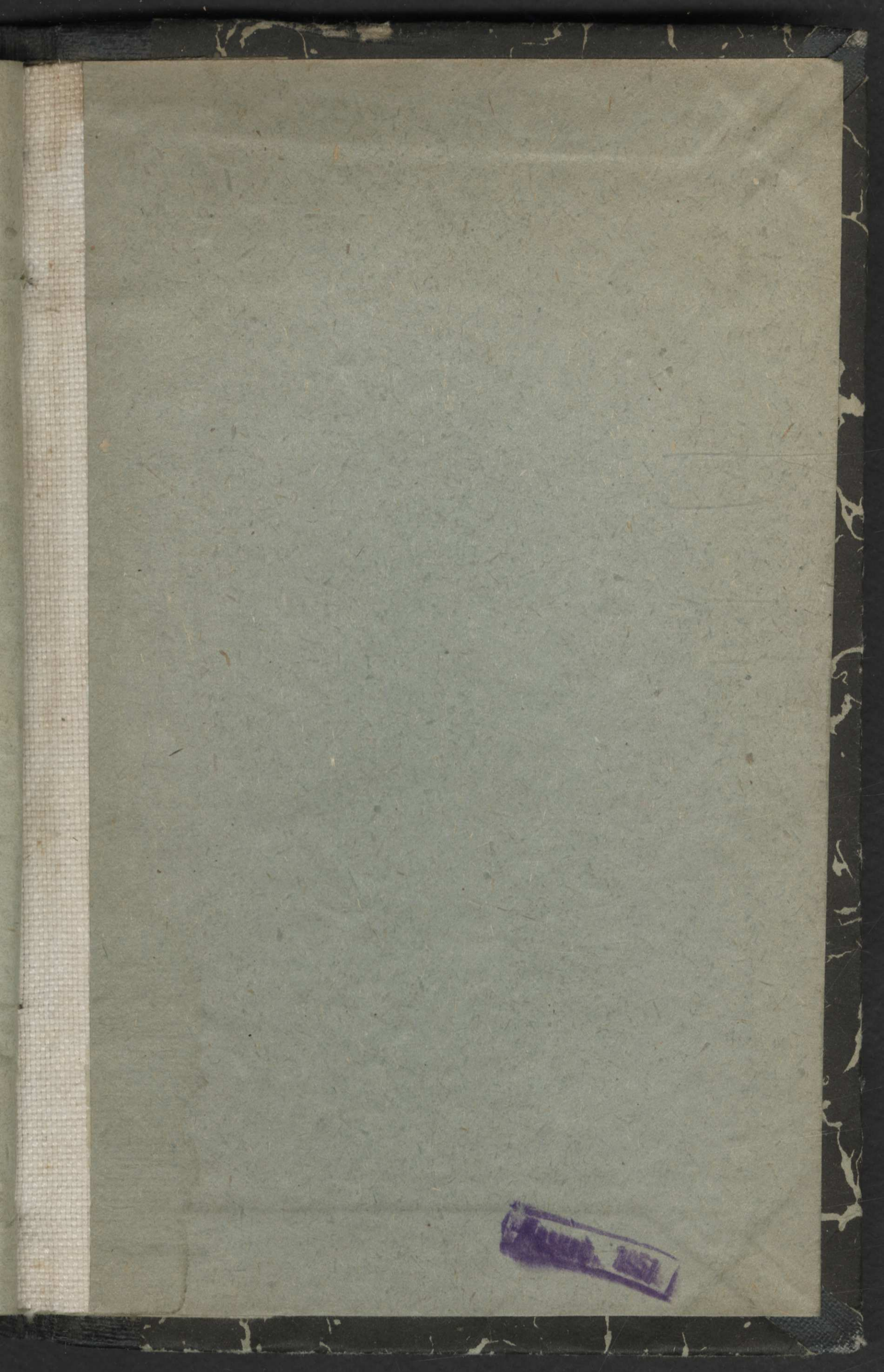
Сіи слова онъ такъ удачно выговорилъ, что попугай вдругъ переня́лъ и первое и послѣднее. Крестьянинъ обрадовавшись немедлѣнно побѣжалъ къ господину, къ которому будучи допущенъ какъ съ рѣдкою вещію, представилъ своего попугая, и попугай на етотъ разъ какъ нарочно вдругъ выговорилъ *здравствуй*. Господинъ слыша сіе не въ первой разъ отъ попугая, ни мало не былъ тронутъ и сказалъ крестьянину, что я (де) ето *не впервый разъ слышу!* Лишь только господинъ успѣлъ выговорить сіе то попугай какъ нарочно ждавъ будто отвѣ-

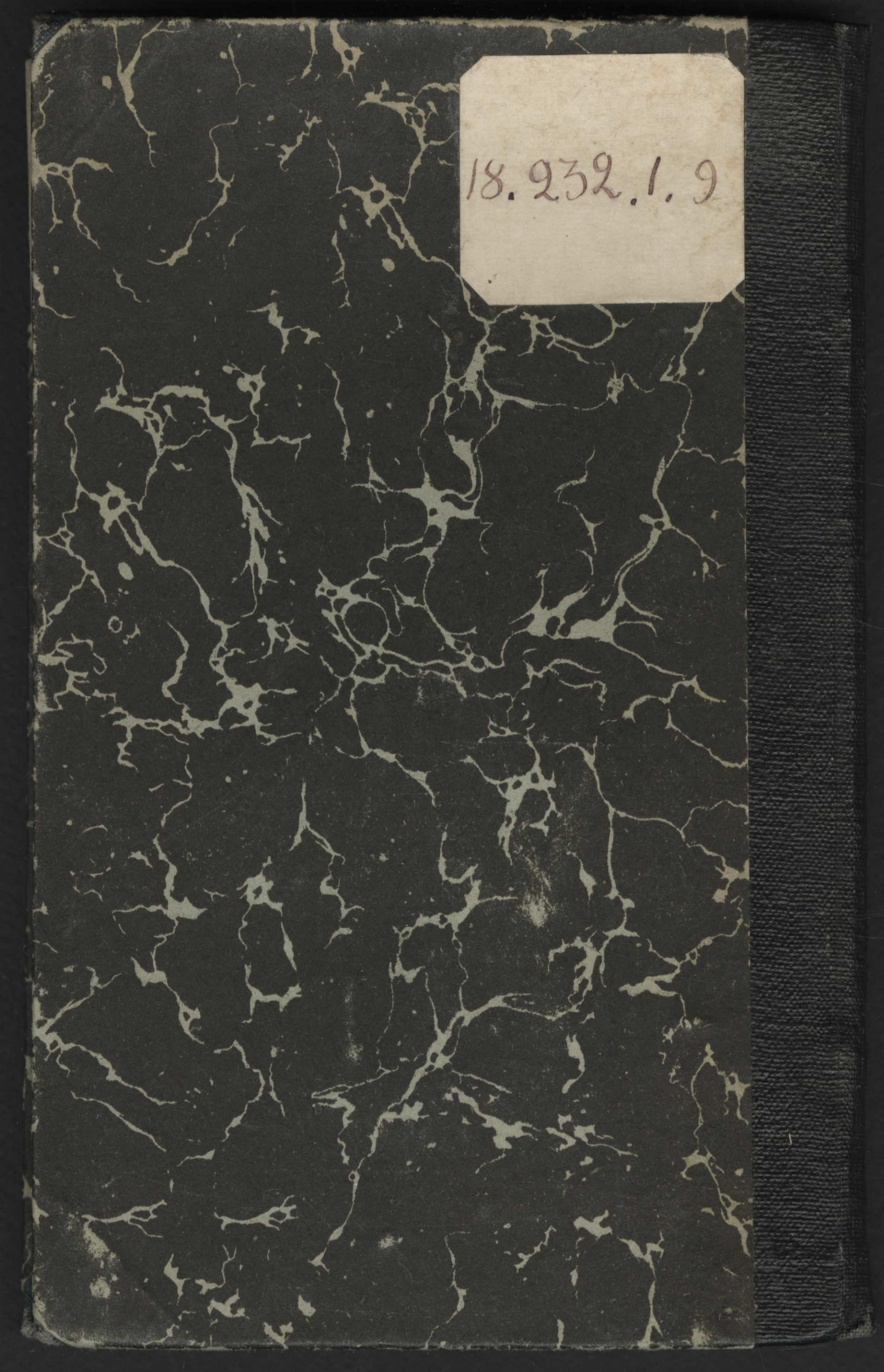
та вдругъ подъ етотъ с[illegible] зъ кр[illegible]
и послѣдний сей урокъ: *пропалъ мой трудъ и свѣчи.*
Сему господи[illegible]ъ такъ засмѣялся и такъ былъ доволенъ, что не только велѣлъ дать ему быка и корову, но еще и лошадь прибавилъ.

КОНЕЦЪ.

18.232.1.9